

АРФИ 2007 - PDF

ознакомиться с другими выпусками

АРФИ можно по адресу arfi.furnation.ru

Арфу 2007

*Под капли ливня и зной безоблачный,
запомни день, проходящий здесь..
Найди, добытый шепотом сумрачным,
словарь любви, если где-то есть...*

ПЯТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Выпуск АРФИ 2007- юбилейный. Вот уже пять лет издается ежегодник фурри искусства, в который входят литературные, художественные и поэтические произведения русскоговорящих пушистиков. Мы рады поздравить всех наших читателей и авторов с этой знаменательной датой.

В этом году мы встретимся, как с известными по прошлым выпускам авторами, так и с дебютантами, только пробующими свои силы...

Хотелось бы пожелать нашим читателям не судить начинающих авторов слишком строго, а стараться понять суть и внутреннее содержание их произведений. Хотя, разумеется, на наших страницах вы найдете и зрелых авторов, чей стиль куда более выверен и содержание передано выразительно и точно. Некоторые из авторов присылали свои работы еще в первый выпуск - АРФИ 2003. Мы выражаем им благодарность за вклад в пушистое искусство и деятельность на благо каждого пушистого читателя. :)

В этом выпуске мы решили незначительно изменить структуру оглавления. Изображения одних авторов тесно соседствуют с текстами других на страницах нашего журнала и зачастую может возникнуть необходимость уточнить чей же рисунок встретился вам рядом с понравившимся стихотворением. Поэтому, для удобства сортировки изображений и литературных работ, мы разбили оглавление на два раздела - первый для текстов, второй - для иллюстраций.

Наш коллектив надеется, что каждый читатель найдет в этом выпуске что-то приятное и интересное для себя. Познакомится с внутренним миром своих собратьев-фурри через то, что они пишут и рисуют. А может быть даже найдет для себя ответ на вопрос "Что делает всех нас единым сообществом, с близкими стремлениями, идеями и восприятием?"..

Alex Fox

Солнечный камень на шее 6
Лунный камень на шее 6
Молибденовая звезда 7

Аррисар

Мой последний рассвет 12
Фурри 13
Ночь 14

Gold-Black Riddle Lioness

Заново 16
Система 17
Мы 18
"Она сидела и курила..." 18

Hunter

Рождённые летать 19

Kent (Taka-Timon)

"Когда ты в этом мире не один..." 29
Темный путь 30

Kovu

Мертвый охотник 32
Пламенный привет 33

КСВ-Снеж

"Как нежно ветер шерсть мою ласкает..." 34

Liana (Bria)

Лис 35

Lunar Fox

Полюбить и забыть 37

Мяддиб

Синтетик 38

Quoll

Звездопад 56
Призыв to позитив 57

Россомаха

What is Furry? 58
Ручка 59
Я остаюсь 59

Selker

Одиночество в ночи 61

Skip

"Не безнадёжно, но безмолвна..." 72
"И пламя блеск в твоих глазах..." 73
"Дурак! Дурак!! И бьюсь об стенку..." 73

SnowSimba

"Не печалься..." 75

StormWind

"Наполняя ветер крыльями нашими..." 76
"Берег ледяной реки укроет прошлогодний снег..." 76
"В попытках вечных для созидания..." 77
"Открывая неподвижные просторы..." 77
Лайка 78

Tanassi

"Зачем живем мы в этом мире?" 79

Terian

"Взгляд падает на отблеск твоих раскаленных глаз..." 80
"Ты одна такая на свете..." ... 81
Воспоминания в ночи 81
"Как одиноко в тишине..." 82

Tigra_only

"Снова проснуться; снова... опять..." 83
Полоски 85
"Где моя любовь?..." 86
Закат 88

Контактные e-mail авторов и редакции АРФИ 90

Создатели журнала и авторы иллюстраций 91

Художники**Анна aka умха**

Here you are (рис.) 15
Tree (рис.) 69

Кельт

Газели (рис.) 89

Lion aka Foxel

Лисохвостый лев (рис.) 17
The Spirit Within (рис.) 32

Max Cooncat

Натюрморт с лисом 87

Max Haibane

Painting Wings (рис.) 28
Cat Sorrow (рис.) 74
Morning Me (рис.) 78

Ranmaru

Рыбка (рис.) 31
Грифон (рис.) 34

Selker

Call of the Stars (рис.) 60

Alex Fox

daddycool5@yandex.ru

Солнечный камень на шее

Отломлю кусочек солнца
И прижму его к себе,
Чтобы то, что бьет в оконце,
Быть могло со мной везде.

Отломлю еще кусочек,
Для тебя, любимый мой,
Заверни его в платочек,
И носи его с собой.

Если нету солнца рядом,
Если серый мир вокруг,
Ты окинешь небо взглядом
И раскроешь свой сюртук.

И залет пространство светом,
Нежной, ласковой тоски,
На цепи золотой одетым,
Камня солнца на груди...

*«Словно от яблока косточка
На небе сияет одна
Молибденовая звездочка,
Молибденова звезда...»*

by Alex

Лунный камень на шее

Отломлю луны кусочек
И зажму его в руке,
Этот маленький комочек,
Что сияет в темноте.

Отломлю еще кусочек,
Для тебя, любимый мой,
Положи его в мешочек,
И носи всегда с собой.

Если тучи в небе темном,
Лунный свет исчез во мгле,
Ты от камня светом ровным
Путь открой нам в темноте.

И залет пространство светом,
Нежной, светлой доброты,
На веревочке одетым,
Лунным камнем на груди.

Молибденовая звезда (отрывок)

Глава №1 «Она»

Часы показывали полтретьего ночи. В его маленькой комнате, маленькой, но уютной, набитой всякой аппаратурой, горел яркий свет и работал станок.

Парень щелкнул какой-то переключатель на приборе и он тоже загудел. Затем он повернулся от верстака к компьютеру и вздохнул. Его взгляд привлекла фотография на рабочем столе компьютера.

Парня звали Александр. Пять лет назад он был счастлив, как и каждый, кто сильно любит. Но он не ценил этого счастья. Уже потом он понял, как он был невнимателен. Понял после того, как несчастный случай отнял у него его любовь...

В тот день его девушка, Александра, спешила к нему. Они поругались и она боялась, что все их отношения рассыпятся, как песочный замок.

Саша был дома, он был зол на нее за ее вечное желание быть с ним, она путалась везде, не давала ему работать.

Он вытянулся в кресле и посмотрел в окно и, к ужасу, он увидел ее, бегущую через дорогу и выезжающую из-за поворота машину... Он уже ничего не успел крикнуть... Машина отняла у его любимой жизнь...

С тех пор Александр работал над одним проектом. Он так любил свою девушку, что, забросив все, стал копаться в кибермеханике и биофизике.

Год назад ему удалось увидеться с одним человеком, который сделал открытие в этой области. Но он был очень суеверен и никому не позволял пользоваться чертежами. Так как он был близким другом Александра, он передал перед смертью все свои работы в этой области, но так и не пояснил ничего. Что может быть сложнее, чем копаться в чужих изобретениях и программах?

Год Александр потратил на то, чтобы все это понять. И еще 3 месяца, чтобы построить аппарат.

Аппарат этот носил название «Молибденовая звезда», так, по крайней мере, было написано в чертежах. Суть заключалась в том, что имея ДНК девушки, Александр мог по фотографии возродить ее точно такой, какой она была до столкновения с машиной. Аппарат было собрать не сложно. Гораздо сложнее оказалось достать такой кусок молибдена, чтобы хватило и на брусок, который будет принимать на себя лазер, и на браслет, который, судя по работам ученого, необходимо носить полученному «клону», чтобы не погибнуть.

На рабочем столе была ее фотография, на которую и засмотрелся Александр. Затем он вздохнул и снова повернулся к станку. Парень выгравировал на браслете название проекта «Молибденовая звезда», а на обратной стороне – имя «Александра».

Потом он сел на стул перед верстаком, положил браслет на стол, одел очки и последний раз оглянулся на компьютер. Там все еще была ее фотография. Он что-то прошептал, может, даже молитву и щелкнул по красной кнопке на пульте. Но тут что-то треснуло, и он отлетел от стола. Когда Александр снова открыл глаза, то увидел дым. Распыленный оксид молибдена в виде беловатого дыма висел в воздухе. Вдруг он услышал, как что-то жалобно пискнуло и кинулся к окну.

Саша распахнул окно и включил вытяжку. Через секунду дыма не стало и он ужаснулся, взглянув на стол.

На столе лежало и морщилось нечто оранжевого цвета, вовсе не девушка, а двуххвостое существо.

Оно дернулось и подняло мордашку. С виду было похоже на фурри-лису. Когда-то Александра рисовала таких. Саша в холодном поту оглянулся на экран монитора. Так и есть. На нем была фотография его девушки, а на заднем плане фотография лисицы.

Он помчался в соседнюю комнату. В самый неподходящий момент, в момент эксперимента его младший брат скинул на сервер фотографию

лисы.

Саша уже не кричал... Он вернулся в комнату и сел на кровать. Все годы работы оказались напрасными. Что же он теперь будет делать с этим полуживотным-получеловеком? Убить ее? А вдруг не убьется и убьет его? Отравить? Но он никогда никого еще не травил...

В этот момент она запищала и сжалась в комок. Саша вспомнил про молибденовый браслет, и подбежал к верстаку. Он с ужасом взял ее слабую лапку и надел браслетик. Она выглядела такой хрупкой и слабой. Все время жмурилась и пищала. Он взял ее на руки: она была чуть теплой. Он закутал лисенку в теплое одеяло и ушел на кухню.

В холодильнике взял молоко и поставил его в ковшике на газовую конфорку. Лисенка тем временем пришла в себя и открыла глаза. Комната представляла собой какой-то склад аппаратуры. Горел яркий свет и все вокруг гудело. Лисенка спряталась под одеяло с головой.

Когда Александр вернулся с кружкой теплого молока, лисенка снова высунулась из своего «укрытия». Он подошел к лисице и сел рядышком. Она, учуяв запах молока, потянулась к нему и боязливо забрала кружку из рук.

Теперь Саша не знал, как с ней быть. Вероятно, он выдаст ее за домашнего зверька или за лисицу. В этот момент она допила молоко и беззаботно отпустила кружку, та со звоном разбилась о стоявший перед кроватью утюг. Саша вздрогнул, но лисенка заползла к нему на колени и свернулась калачиком.

Теперь Саша точно знал, что у него вместо девушки появилась головная боль...

Глава №2 «В моем доме фуррь!»

Он снова что-то делал за компьютером. Теперь ему стало понятно, как получилась эта лисица. Программа получила входящий файл с фотографией лисицы, которую прислал его брат и, соединив с

фотографией девушки, выдала лисенку.

Она мирно посапывала на кровати под теплым одеялом.

- А все же, она милая – сказал он вслух.

Лисенка зашевелилась и, потянувшись, высунула розовенький язычок. Она открыла глаза и тяфкнула.

Она была совсем голенькой и Саша подошел к шкафу. Через 5 минут на ней уже была футболка, правда она была ей так велика, что смахивала больше на сарафан.

Так и пошли дни. Саша очень много работал, а лисенка все время путалась под ногами. Вечно брала в рот всякие предметы, кусала провода. Однажды ее ударило током и она потом целый день шипела на злосчастный провод.

Саша думал, что она ведет себя как животное. Совсем не способное к умственному развитию. Но как-то раз случилось то, что заставило его поверить в разум лисицы.

Александр сидел за компьютером и через программатор пытался прошить процессор, но кабель прошивки лежал на другом столе. Сашка устал и ему было лень сдвинуться с места.

- Ну почему провод сам не прибежит на этот стол? – спросил он с улыбкой.

Вдруг лисенка, которая лежала на полу возле его ног, вскочила и побежала к столу. Она безошибочно схватила этот провод, но на обратном пути запуталась в длинной футболке, которая была на ней надета и, упав, задела табуретку, на которой стояла емкость для разводки плат раствором FeCl3. Раздался грохот и звон разбитого стекла. По всей комнате разлилась кислота. Лисенка, барахтаясь в этой луже, жалобно запищала и вдруг сказала свои первые два слова.

- Я несяйно – пролепетала она совсем по-детски.

Саша поднял ее и отнес в ванную. После помывки шерстка лисенки стала пушистой и приобрела более темную окраску.

С этого времени Александр задумался о том, чтобы подыскать ей

подходящую одежду. С каждым днем лисенка изучала все больше новых слов, училась ассоциировать предметы и действия. А еще она росла. И через неделю она уже неплохо разговаривала и ходила на двух задних лапах.

А еще она любила петь. Не важно что, пела подлюбные песни, которые ставил Александр. Уже очень скоро она стала называть его «Сашка» и «Саня». А он все так же называл ее «лисенка». Правда, иногда он говорил «Алекс». Ведь его девушка была Александрой.

А еще Саша обучил ее пользоваться Интернетом. Глобальная паутина все больше нравилась лисенке. Она даже аську свою завела. Он так же пытался ее обучить программированию, но с этим дело обстояло хуже. Она уж очень не любила все эти термины и операторы. А печатать на клавиатуре она, к удивлению Александра, научилась очень быстро.

В один из дней, когда Алекс сидел за компьютером, Саша пришел откуда-то и принес лисенке новую одежду! Это были чудесные, синего цвета ленточки, которые закрывали груди лисицы; синяя юбочка в складку с розовым пояском и розовые сапожки. Теперь Алекс выглядела вполне цивилизованно. Она так крепко прижалась к нему, что тот испытал то самое чувство тепла, которое он испытывал всякий раз, когда его обнимала его девушка. Только почему-то мысль о том, что он полюбил ее, Саша откинул сразу...

(конец второй главы)

Авторы: Алекс_Фокс (Александра)
и Фокс_Алекс (Александр).

Объем нашего журнала не позволяет вместить это произведение полностью. Продолжение рассказа Вы можете прочитать на прилагаемом к изданию компакт-диске.

Редакция АРФИ

Аррисар

arrisar@gmail.com

Мой последний рассвет

Первые волны теплого света,
Алое небо - предвестник зари
Мир оживает с этим рассветом,
А я заключаю со смертью пари...

Здесь очень сыро - в мрачной темнице
Судьи собрались, решают судьбу,
Как палачи - от меня прячут лица
Верно, бояться встречи в аду!

Злые ухмылки застыли на лицах
Ненависть ясно читаю в глазах,
А за окном сияет зарница,
Я помню её в последних мечтах...

Мое роковое близится время
Судьи закончили и поднят их меч,
Скоро покину цепей стальных бремя,
Надетых на шею, лишь кровь будет течь...

Я прожил всю жизнь - достойную зверя
Погибшим друзьям передам свой привет
Для Вечной Вселенной - я не потеря
И вот начался мой последний рассвет!

Фурри

Фуррем родиться - великая радость,
Навеки свободным от жадных оков.
Теплых мечтаний томящая сладость
Расскажет тебе, кто ты таков!

Все мы похожи единством стремлений
Счастья тепло скорее познать.
Пусть мы подвергнемся сотне гонений,
Главное в жизни - зверя понять.

Путь наш тяжел - неясна дорога,
Может обрыв? А может тупик?
Стой же мой друг, подумай немного
Стоит ли дальше отдельно идти?

Людам не ясны наши мотивы,
Пламя сердец понятно лишь нам,
Пусть лишь в мечтах мы пушисто-красивы,
Над нашей душой не властны слова!

Над нами смеются? Какая досада!
Какое нам дело до плутовых речей?
Пустые слова - что камень для сада,
Не нужно нам бремя наших цепей!

Фурри свободны, и это немало,
Для счастья лишь дружба порою нужна.
Немного любви, тепла не хватало
В той жизни, что нам уже не важна!

Ночь

Ярко светят звезды миру
Листьев шелест в тишине
Тихий зов похож на лиру
Ночь нереальна, как во сне!

Тени прячут свои лица
И крадутся по следам
С тайной ночи можно слиться
Дав свободу всем мечтам...

Краски стерты в диком беге,
Места хватит под луной!
И в холодной ветра неге
Можно стать самим собой!

Пусть за ночью день вернется
Серых красок мир замрет,
Но в душе тот зверь проснется,
Что за дверью грез живет!

“Here you are” (с) Анна ака утха

Gold-Black Riddle Lioness

nastm@newmail.ru

*Наверно, надо быть оптимистичней,
Наверно надо быть чуть-чуть взрослей.
Писать стихи немного прозаичней,
А иногда бывать чуть-чуть глупей.*
01.05.07

Заново

Все как прежде, все опять и все сначала.

Каждый день, как с чистого листа.

Все, что жизнь в дорогу даровала -

Это песня без начала, без конца.

И я живу ежесекундно умирая,

И, возвращаясь, снова уйду.

О том, о чем сейчас сижу, мечтая,

Тебе, мой милый, не проси - я не скажу.

Ты говоришь: "Не плачь, все будет снова."

И я бездумно верую в слова.

Боготворю тебя - мне это уж не ново.

Боготворю за то, что не одна.

Все как и прежде, все опять и все сначала.

И я живу, мечтая о тебе.

Все, что жизнь в дорогу даровала -

Пускать горит с безудержном огне.

Система

Закреть все чувства на замок
И чтоб без System Error было,
Когда оно совсем добило.
Чтоб прога написала "ОК."

И не давить ногтем reset,
Чтоб было все без зависания.
И без тупого залипания.
Ведь, Яндекс даст всегда ответ.

Не подсмотреть уже пароля.
Для вас здесь Access лишь Denied.
В юмандной строчке - "Наливаied",
Пусть окунется наше горе.

Виндунесите. Просто так
И format'ну я свой винчестер.

И чипсы, те, что любит Честер -
Пойду абсентом запивать.

И снова - ctrl, alt, delete:
Нажмешь, и пашет все нормально.
Без них, конечно, не brutally.
Но с ними - как-то легче жить.

Внутри - машина под XP-ями,
На далеко не новом "Пне"
И от того фигово мне,
Что "не летают" они сами.

Теперь я точно и не знаю,
Кто, где и как - внутри живет
И иногда мне "башню" рвет
И я все меньше понимаю...

„Лисекошастый лас“ © 2007 LION aka Foxel

Мы

(про нашу тусню =))

Под нами бегает метро,
 Но в общем-то нам все равно.
 Сидим и слушаем "Кино".
 А жизнь в конце концов - дерьмо.
 Мы курим Яву в мягкой пачке,
 Когда нам нечего курить.
 И мы сидим, вдыхая звезды,
 Когда нет тем поговорить.

В руках Green Tuborg, плеер в уши,
 И на прощанье всем "удачи".
 Коли у нас не получилось...
 Пусть кто-то будет просто - счастлив.

* * *

Она сидела и курила сигарету
 И думала о жизни снизу вверх.
 У каждого имеются секреты,
 А у нее 2 года, как их нет.
 Она открыта миру и наивна
 И пусть ублюдков тысяча вокруг.
 Она закурит снова сигарету,
 И снова от нее все отойдут.

Пушай все не срослось еще по жизни,
 Все будет снова, пусть и не сейчас.
 Она успеет доказать всем в мире,
 Что эта сказка все же не про нас.

Hunter

madera@bk.ru

*Выражаем благодарность
 автору за все произведения,
 отправленные в адрес нашего
 журнала за пять лет*

Редакция АРФИ

Рождённые летать

- Смотри не свались, - рассеянно произнёс я, почти даже просто подумал, когда Тимени сделал оособо рискованное движение всей верхней частью тела, ловя пролетающую мимо нас крупную пёстро расцветенную бабочку. Он повернул в мою сторону ещё по-детски милую чумазую мордашу, чуть прищурил левый глаз от яростно бьющего солнца, застрявшего в зените, и задорно показал язык, сжимая в пальцах беспомощную добычу нежно, но крепко. Мол, не учи учёного. Был ли я в двенадцать лет таким напытым? Эх, не вспомнить уже, прошло почти столько же времени с тех пор...

Нет, Тимени, конечно, не упадёт, проделывая такие манёвры, ведь пока у него не выросли крылья, запускающие неведомые нам биохимические процессы, которые скрепляют слабенький позвоночник, перерождают кости и дарят одурманивающее чувство свободы в воздухе - мой младший братец самое цепкое в мире существо. Но всё-таки под нами добрых двадцать метров пропасти, на узком карнизе которой мы так беззаботно расселись, болтая ногами, пусть даже и припав спинами к отвесной стене, и я, как взрослый, должен хотя бы предупредить его об опасности. Примерно такое же расстояние сверху отделяет нас от роскошной лужайки, на которой неторопливо пасутся непуганные белоснежные козы, делящиеся с нами молоком. Скоро у Тимени появятся крылья, он освободится он ужасов по-нищенски беспомощного детского существования, и я смогу показать ему это чудесное место. И конечно, ещё множество других. Я покажу ему волшебство заката, когда

апельсиновое светило ласково греет тело – вопреки звёздам, что жемчужинами проклёвываются на темнеющем бархате ночного неба у тебя за спиной и непроницаемым уже теням, укрывшим далёкую землю. Он увидит капли росы на траве и сможет догнать радуго. Ему станет доступно это неповторимое чувство, когда несущийся навстречу ветер забивает лёгкие, и с восторгом выше любой боли ты разгоняешь его по крови. Подниматься до высот, недоступных никому из живущих, выше кудрявых облаков, пролетая сквозь эти бестелесные белоснежные сказочные замки, и, насквозь вымокнув, в обессиленном счастье опускаться, задевая кончиками маховых перьев верхушки трав... Пока что ему всё это недоступно, и на ту же лужайку, хоть и с его цепкостью, всё-таки не залезешь, далеко слишком. Мы родные братья, но небольшая разница в возрасте, пока братом не пройден определённый барьер, временно отобрала у нас что-либо общее. Я – лёгкая птица со своими необъятными крыльями, которые всё ещё продолжают расти, и сидеть на уступчике у входа в нашу пещеру мне всё сложнее и сложнее. Тимени – вёрткое и тонконогое пресмыкающееся, он не может стоять на двух ногах, потому что его позвоночник просто не выдержит такой тяжести, максимум – сидеть вот так, как сейчас, прислонившись к стене. Единственное, что выдаёт в нас братьев – похожие черты лиц: отцовский разрез глубоких серых глаз, непослушная рыжая шапка волос и высокие скулы матери. Он восхищённо трогает меня перемазанными мелкой пылью пальцами за гладкие упругие перья и каждый раз, когда я возвращаюсь из вынужденных и не очень вылетов, выползает встречать к выходу. Скорее бы, братишка, мне так не хватает тебя в небесах. И, предвкушая свою роль проводника в этой парящей жизни, я заранее испытываю странную гордость, будто сам создал всё, что открыл когда-то сам. Но знаете, есть один секрет, который я ему ни за что не открою, даже когда мы станем равными друг другу. Я его ещё не люблю. Просто не могу любить такого, как он, и всё, что я к нему испытываю – это такое ожидание любви, чувство в коконе, довольно неудобное ощущение, будто бы с отсутствием любви

ты сам становишься неполноценным, как это моё маленькое несчастье.

- Ну что, червячок, может, хватит так сидеть? – озабоченно поинтересовался я вскоре. – Изжаришься ведь.

Он не обиделся на привычное прозвище, но упрямо помотал головой.

- Дайн, мне нужно привыкать к внешнему миру. Сколько можно валяться в этой дурацкой пещере!

Я его понимал, конечно. Большую часть своей сознательной жизни он провёл в естественном углублении в скале размером с небольшую комнату, которым заканчивался карниз, и в которое мог легко попасть, завалив корпус чуть вбок и помогая себе на повороте руками, и там, привычно шлёпнувшись на живот, проползти до лежака – одного из трёх плоских камней. На втором спал я, предпочитая компанию брата уютному сну на ветвях деревьев, где сложенным на спине исполинским крыльям не могло помешать крайне неудобное для человека-птицы каменное ложе. Третье занимали наши родители, пока их не забрала у нас очередная возрастная трансформация... но об этом я не хочу говорить. Мы некоторое время молча смотрели на расстилающуюся перед нами панораму; он упорно о чём-то думал, время от времени почёсывая спину о камни, я расслабленно тербил зубами сорванную внизу травинку, раскатывал языком по небу кислый сок, стараясь не обращать внимания на тоску, которая плескалась в его глазах. Это проходит. После того, как я впервые поднялся в небо, мне стал по-домашнему мил и особо дорог этот вид, но брату, полагаю, бесконечно опротивел, потому что другого выбора ему не давалось. А там было на что посмотреть. Густой лес с мощным, как у пушного зверя, подшёрстком, ошетилившимся кустами и вьющимися растениями, занимал большую часть обозримого пространства, и тонкий резной плющ, обвивая стволы деревьев до самых крон, придавал им сходство с воздушно-лёгкими колоннами. Бесконечно живой, шевелящийся зверями и птицами, дышащий кислородом, с лужайками, насыщенными солнцем лес. На горизонте, теряясь за ним, растворяясь в нём, прозрачно-акварельными аквамариновыми, бирюзовыми и бежевыми

наслаивающимися друг на друга кляксами мерцали горы. И над всем этим царил небо, насыщенно-синее, не тронутое ни единым пёрышком облака, и одновременно такое яркое, что почти выжигало сетчатку. И таким же неукротимо-ярким было мерно рычащее море слева от нас, украшенное, словно дикий зверь, пышной гривой пены. Дикая красота природы. Прибой облизывал подножье нашей скалы, ветер доносил – увы, не бисеринки воды даже, а водяную пыль, а при желании, пройдя дальше по далеко выступающему карнизу, не будь у меня крыльев, можно было всё-таки выйти на глубокое место и поучиться плавать. Но ноша за спиной утянет меня на дно, это точно, поэтому я не рисковал. Максимум, на что хватало моей отваги – побродить в прибрежных волнах, оглядываясь на величественную громаду нашего убежища, оставляя чуть заметные следы на влажном песке, которые тут же заполнялись прозрачной тёплой водой, и люди в качающихся неподалёку шлюпках не осмеливались приблизиться ко мне или окликнуть, сдерживаемые суеверным страхом, который разделяет наши племена. Каждый из нас умел то, что было недоступно другому, и это вызывало некоторую зависть. Они, например, не могли летать. А я... Рождённый летать плавать не может, что ж, с этим пришлось смириться.

- Дайн, - прерывая мои размышления, очень кстати сказал брат. – А как живут те, которые не умеют летать?

- Когда я не смогу летать, я сразу же брошусь в пропасть, - автоматически ответил я и почти перепугался, быстро добавив:

- Тим, откуда такие вопросы? У тебя скоро пробьётся твоя пара, чего ты переживаешь?

- Я не за себя, - хмуро возразил он. – За себя мне бояться нечего. Ты говорил, есть обычные люди, которые не летают. Они просто ходят. Это же убожество какое-то! Ведь всё счастье и смысл жизни – в полёте, в обладании пространством, и как они...

Он запнулся, развёл руками, не умея подыскать слов. Да и те, что он произнёс только что, были, по существу, моей школой. Но мне и в голову

не пришло допустить, что он экстраполирует слова, являющиеся самой сутью нашего рода, на тех, кто не имеет к нему ни малейшего отношения!

Я подумал, как нелегко живётся сейчас моему гадкому утёнку, и легонько взъерошил его нагретую солнцем макушку, из которой тут же выскочили пёрышками непослушные пряди.

- Возможно, у них есть другой смысл, Тимени. Кто-то летает, кто-то возделывает поля и охотится на животных. У всех своё предназначение на земле. Знаешь, я никогда не интересовался обычными людьми слишком близко... это всё равно, что заглядывать в глаза слепому, стыдно как-то. Но, возможно, слепой видит чудесные сны, в которые нам никогда не дано проникнуть?

Это глупое, на скорую руку придуманное предположение его ничуть не утешило, он, рассерженный, без ответа уполз в пещеру, должно быть, размышляя о глупых людях, которые смеют жить без поднебесья, и мне ничего не оставалось, как провести остаток дня в одиноких полётах, ничуть не поднявших испорченного настроения. Встретились мы поздно вечером, когда я принёс еды, поужинали в молчании, после чего долго и неловко прикидывались друг перед другом, будто спим, хотя сна не было ни в одном глазу.

*

А утром я взглянул на него и остолбенел. Этот дурачок покрасел себе спину до такой степени, что она вся вздулась одной большой опухолью и покраснела. А в следующую секунду покраснел сам, не догадавшись, что это прорезается его заветная пара. Ну, Тимка, держись, скоро я задам тебе в небе жару, будешь за мной гоняться! И нежность расцвела в моём сердце, почти любовь, когда я тронул его за горящее плечо:

- Держись, червячок, крылья не даются так просто. Этот день тебе придётся потерпеть.

Он терпел, он действительно терпел, как мужчина, не проронив ни звука, хотя мог бы и вскрикнуть. Я сидел рядом на лежаке, сочувственно

глядя на его тощее воспалённое тельце, блестящее от пота, освещённое рассветными лучами. Когда-то он меня не стеснялся... А эту боль, когда тебя вспарывают сверху вниз, выпуская из развороченной плоти верхний локоть крыла, который тащит за собой дрожащий, слипшийся от крови пучок перьев, – действительно нельзя забыть, и мне оставалось только мысленно поражаться его стойкости. Но плоть прорезалась сама собой, а крыльев пока что не было видно...

Наконец он вскрикнул, тихо, будто подбитый зайчонок, я не выдержал и, выскочив из пещеры, спланировал вниз, в поисках какой-нибудь болеутоляющей травки, которые, к счастью, успела показать нам мама. Вообще-то это запрещено, боль – необходимое условие трансформации, но умерший от болевого шока брат, даже обретший перед смертью крылья, меня совершенно не устраивал. Поэтому я, едва найдя панацею, стремглав кинулся обратно, ломая крылья на боковом ветру, и выдавил прохладный сок семилистника прямо в открытые раны на лопатках. Несмотря на это, боль прошла только к сумеркам, его кожа немного остыла, а дыхание успокоилось.

Мы сидели в темноте, оба донельзя перепуганные и не понимающие, что происходит. Пара по-прежнему не прорезалась. Может, она просто глубоко засела и следует расширить рану? Но, едва вспомнив его жалобный вскрик, я весь передёрнулся и малодушно понял, что не смогу нанести ему боли даже во благо, тем более, что я не уверен, что причина в этом...

- Дейн, почему я их не чувствую? – горько и глухо спросил лежащий ничком Тим, и надо было что-то срочно придумать. Боже, не дай мне ляпнуть очередной глупости, это его убьёт сейчас.

- Подождём до утра, – неуверенно предположил я. – Крылья не всегда прорезаются сразу.

- Мне уже не больно, – продолжал он, будто не слыша. – Значит, трансформация закончилась. Любое превращение – это боль, что же, я мучился даром?

- Что ты, малыш...

- Я могу хотя бы встать, как ты? – в его голосе слышалась только усталость. – Или даже на это я по-прежнему неспособен?

Я рванул на слух, пытаюсь предугадать, в какую сторону будет падать напрасно пытающийся подняться брат. И поймал. Он беспомощно повис на моей руке, да, чуда не случилось, позвоночник Тимени не изменился, стоять он не мог. Дальше я всю ночь пытался удержать его, потому что он то и дело вырывался, вопил, что не хочет жить, что не может ползать всю жизнь... И что самое ужасное, я не мог придумать, что возразить.

*

На следующее утро – я уже потерял счёт времени, когда начался этот ужас – мы оба выдохлись. Лежали рядом на одном камне, я тупо разглядывал прорезы на его спине, откуда так ничего и не выросло. И готов был плакать оттого, что по-прежнему остался один.

- Дейн. Кажется, я придумал. Тебе нужно спросить у ходячих людей, в чём смысл их жизни, – вдруг произнёс брат с оживлением.

Лучше бы он попросил меня подняться в небо во время грозы. С живущими в окрестностях людьми у меня уже успели сложиться отношения, и дружескими их далеко не назовёшь. Да, я – высокомерная сволочь, и я привык придавать им значения не больше, чем муравьишкам под ногами. Я всю жизнь старался брезгливо избегать их как увечных, и видимо, теперь пожинаю плоды такого отношения. И Тим почти успел стать таким, как я. Почти, потому что окончательно формирует характер только пара.

- Зачем? – воскликнула. – То, что ты по какой-либо причине не обрёл крыльев, не делает тебя ближе к людям, и их счастье, в наличии которого я сомневаюсь, тебе не поможет. Ты всё равно выше, ты один из летящих...

- Угу, выше, летаю по этой пещере над лесом, прямо облетался весь, велика невидаль, – огрызнулся Тимени. – Слушай, я перешёл порог

взросления, так или иначе. Значит, я могу попросить тебя об этом на равных. Иначе просто незачем будет жить. Выполни эту просьбу, прошу тебя.

И я поднялся на крыло, провожаемый его серьёзным прощальным взглядом. Я честно пытался помочь брату, но люди меня избегали или поднимали на смех, стоило обратиться к ним со своим вопросом, а в одной деревне, учуяв мою слабость, даже попытались поймать, словно какую-нибудь птицу, и пришлось в панике бежать. По возвращению Тим всё понял по моим глазам, и не стал ничего спрашивать, а мне было стыдно выкладывать все подробности этих тщетных блужданий. Поэтому он затих и отвернулся к стенке, и мы оба почти слышали мысли друг друга – грустные мысли об утерянных надеждах.

*

Несколько дней всё шло как прежде, по крайней мере, внешне, и я осмелился оставлять его ненадолго, потому что только своими вылетами в лес и на поля я мог обеспечивать нас едой. Правда, Тимени перестал выползать на карниз, потому что не заживающие разрезы на его спине не позволяли опираться о стену. Я предлагал применить семилистник, но Тим с непривычной агрессией отверг его. Возможно, он решил, что это я виноват во всём, не дав ему помучиться до конца со своим обезболивающим и лишив таким образом крыльев.

А по истечении недели он решил умереть. И я видел этот момент.

Я как раз возвращался с очередного промыслового рейда, когда увидел его издали на нашем карнизе, на самом краю, выходящем в море. Подозрение тонкой острой иглой кольнуло мне сердце, и не успев я издать ни звука, как он с силой оттолкнулся от поверхности и бросился вниз.

- Тим! – заорал я и бросился к месту, где он исчез. Я крутился там около получаса, наверное, судорожно оглядываясь и вглядываясь во враждебную беспокойную воду, пытаясь разглядеть его, если он инстинктивно попытается всплыть, и сразу же помочь. Но нырнуть не

решался. Я слишком любил жизнь. Знаете, очень сложно умереть, если ты счастлив. Поэтому, когда я понял, что всё кончено, поднялся на уступ, с которого шагнул мой брат, сгорбился там по-птичьи, сложив крылья, и трусливо попытался забыться, не думая ни о чём. Было плохо, очень плохо.

...И очень удивился, когда на закате увидел, как из волн у берега показалась его голова. Тимени радостно помахал рукой, призывая меня, и я кубарем покатился на остывающий пляж.

- Дейн, - произнёс он тихим, счастливым шёпотом. – Я всё равно познал пространство. Я познал его там, где мы не догадывались искать. В море моё слабое тело становится сильным и выносливым, и я даже могу выпрямиться... но ещё лучше оказалось нырять и выныривать, и чувствовать, как пузырьки кислорода щекочут кожу, когда ты стремительно несёшься у самой поверхности, задевая голубой потолок и встречая с радостным смехом солнце, или опускаться на дно, на мягкие водоросли, вечно живые, вечно в движении, или подкрадываться к рыбам... Дейн, если бы ты видел, сколько там рыб, и все разные! Я был свободен в море, и это так здорово!

- Но как ты... не умер? – не веря глазам, бестактно спросил я. – Как ты можешь там дышать?

Он лукаво улыбнулся.

- Я тоже понял не сразу. Пил лёгкими воду, ждал, когда наступит смерть, а её всё не было. Но потом присмотрелся к плывущим мимо меня рыбам... Я дышу так же, как и они – жабрами. Но и воздух для меня – по-прежнему родная стихия, это очень удобно, правда, брат?

*

На этом, наверное, нашу историю можно считать законченной. Жизнь попыталась развести нас, очень странно и жестоко, но мы её всё равно обманули. Жаль, конечно, что я не смогу показать Тимени всего того, что хотел, да и он в свою очередь сокрушается, что мне недоступна

красота морских глубин. Но мы всё равно часто встречаемся. То я сижу на пляже, а Тим лежит в прибрежных волнах, и мы рассказываем друг другу всё, что видели за день. То лиустрируем соревнования на скорость, когда он несётся, словно стремительная тонкая рыба, в прозрачных волнах, время от времени шаловливо брызгая в меня водой, а я еле успеваю за ним по воздуху, как зеркальное отражение в равной стихии. Мы оба счастливы вместе. Правда, иногда я вспоминаю время, когда он ползал беспомощным пресмыкающимся по пещерке, когда мне казалось, что я не любил его. Тогда мне становится не по себе, и я начинаю думать, что не заслуживаю доставшегося счастья. Но это состояние быстро проходит. Понимаете, не может быть несчастливым существо, обретшее свою стихию. И нам с Тимени хочется верить, что мы обрели её навеки.

Верить и не думать об очередной трансформации.

"Painting wings" (c) max haibane

Kent (Taka-Timon)

Kent869@yandex.ru

* * *

Когда ты в этом мире не один,
Когда есть стая, есть семья.
И ты бежишь в ночной тиши,
С братьями шумя.

И слышен там протяжный вой,
Где круг охоты завешен
Лишь хруст костей, да жертвы хрип
Прорежут пустоту...

Не думай, что напрасно жил,
Что отдал годы зря
Еще пойдем мы той тропой,
Которую найдем в лесу.

Сегодня это был лишь сон,
Но он меня увлек
В тот мир спокойствия души,
В котором я не одинок...

Темный путь

Я хотел бы знать счастье
Втяжкой жизни моей.
Но не смог я увидеть
Створки древних дверей.
А за ними есть бездна,
Темнота все темней
Вокруженье ужасных
Черных-черных теней.
Иду я по жизни
В окруженье людей,
Для которых игрушка
Человек-полужверь.

Я искал ту дорогу,
По которой пойти,
Чтобы двигаться смело
На нелегком пути.
Но держусь я за чувство,
Что осталось в груди
Эх вы сильные юги,
Да мои вы клыки!
Я пытался поюнчить
В этой жизни с собой,
Но не смог я решиться
Надругаться душой.

Но они не отстали -
Все идут по пятам
Ноги в тине увязли
И мешают шагам.
А по мне хлещут ветви
Древних, древних стволов
Пробиваюсь сквозь чащу
Я иду на пролом.
Но однажды я встречу
На нелегком пути
Что ищу я все годы
И могу не найти.

Но поможет друг - фурри
И откроет он дверь
Мне он лапу протянет
Позовет: "Подойди же ко мне!"
Я отвечу любовью
Да, я фурри таюй
Я решаюсь ответить:
"Я иду, я с тобой!"
И пойдем мы по жизни,
Не боясь никого
И уйдут все проблемы
Никого... Никого...

"Рыбка" (с) Karmatu

Kovu

kovu_furry@mail.ru

Мертвый охотник

Кровь струится с лап
Ранен зверь и некуда бежать!
Лик твой предо мной предстал
Смерть он отогнал

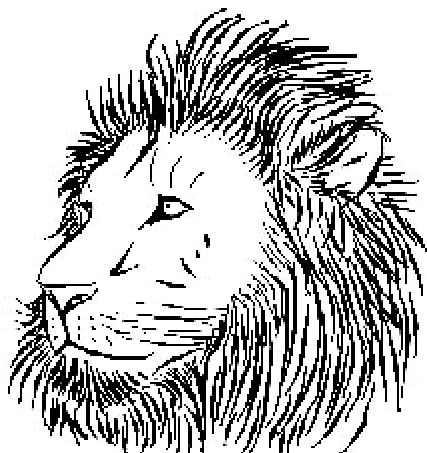
Ранен зверь
Дышать трудней
В темноту уходит день.
Скоро час свой смерть начнет!
Балахоном свет накроет
Черный ворон вестник тьмы.

Вот еще рывок
И ты, оставил силы позади
Волк ослаб и сбил с лап
Стены, скалы, огонь в плазах
Привкус крови в миражах

Слышен треск.
Туман скрывает силуэт
Сумка, плащ, ружье, прицел.

Не успел, начался дождь!
Смыл с земли ковер из алых роз...
Сил прибавил
Волку жизнь он подарил.

Но охотник в эту ночь
Смерть свою нашел.

The Spirit Within

Пламенный привет

Огонь костров
Мой пламенный привет!
Я присылаю, вот что написал.
Смотри лишь только не сгори
Письмо в когтях у ворона.

Лети, лети же,
И не сбейся ты с пути,
Пусть тьма тебе защита и кольчуга.
А ветер станет для тебя лишь другом.

А в том письме, мое посланье,
Признание в любви и расставанье!

В бою я буду вспоминать тебя
И побеждать противника лишь с этой верой!
Что ждешь меня, живым и верным!

Сгорать в бреду, с твоей улыбкой
А умирать, я буду вспоминать твои глаза.

Взяв меч, как смерч
Рубить защиту!
Мы против демонов, и что ж
У нас самих такая сила!
Что выдержим падение с обрыва.

Письмо унес с собою ворон...

А он стоял и думал
Скорее бы, а то и я сгорю.

КСВ-Снеж

snowywolfy@gmail.com

* * *

Как нежно ветер шерсть мою ласкает
И песнь ветров на ушко тихо напевает
Я в облаках витаю, словно гордый сокол!
Я не страшусь на крыльях покорять высоты!

Мне солнца свет, в полёте согревает душу.
Оно дарует жизнь траве и освещает сушу.
Моря шумят и говорят, "Немного задержись!"
Присядь на берегу, вдыхай наш лёгкий бриз.

И кто бы знал, что дальний мой полет
Мне столько света, сил и радости даёт
Ведь там, на небе, в облаках, на высоте.
Я вижу этот дивный мир, во всей его красе!

Bria

bria@pisem.net

Лис

Желтые глаза спокойно смотрели вниз, в них мелькали сумасшедшие огоньки ночного города. Там, внизу, с высоты его дома, можно было разглядеть прохожих, спешащих к себе домой или по каким-то неотложным делам, машины, снующие туда-сюда, всю эту суету жизни, которая его уже не интересовала. Стояла прекрасная погода, несмотря на то, что осень была в самом разгаре. Желтые деревья раскидывали повсюду свои листья, будто хотели укрыть каждый сантиметр асфальта шуршащим ковром для того, чтобы мир стал хоть немного романтичнее. Опять эта романтика.. Почему в голову лезут такие странные мысли? Все, что было романтического в его жизни заканчивалось вместе с тем письмом, что распечатанное на старом принтере лежало у него на клавиатуре. Он давно смирился с тем, что Мел никогда не будет его. В последнее время он жил только ее мимолетными улыбками, короткими «Привет_как_дела». Он часто видел ее в компании с другим, но как-то уже смирился с этим. Ее прекрасный образ сопровождал его повсюду: когда он просыпался, ложился спать, существовал днем.. да, именно существовал.. ее пушистая мордочка с белыми, почти светящимися усиками, которыми она так мило подергивала, когда морщилась.. ее черный носик, и глаза, эти прекрасные глаза.. он мог вспомнить каждую мелочь, вплоть до пятнышка на ее левом ухе. Вот и сейчас он ее видит, можно даже не закрывать глаза.

Лис поежился, ветер все-таки осенний, слегка взлохматил шерстку на его груди. Что толку просто так стоять, ведь жить без любимой он не хотел. Лапы Лиса коснулись края парапета, но деревянные ставни его комнатухи на самом верхнем этаже не самого высокого дома в городе

захлопнуло ветром, прижав ему хвост. Лис вздрогнул, дернул хвостом и весь оказался на холодном осеннем ветру. Что дальше? Просто шагнуть в темноту? Он понимал, что это очень глупо, но ему было все равно. Все равно: жизнь или ее отсутствие. Он устал ждать, устал так жить, не хотел уже давно не хотел даже есть.

Раздался телефонный звонок. Лис было метнулся в комнату, но тут же понял, что это НЕ ОНА, а значит, нет смысла подходить к телефону, нет смысла возвращаться в тусклое существование собственной жизни. Телефон все звонил, как будто кто-то не хотел верить, что его нет дома. Наконец все стихло и снова звуки города. Откуда-то доносились мелодии его любимого радио. Как же вдруг стало тоскливо. Вот эту песню сейчас слышит еще кто-то, может быть такой же одинокий как он. Кто-то точно в это время слышит тоже самое, но не знает, что именно чувствует сейчас Лис.

Стук в дверь прервал ход его мыслей. Он не собирался открывать. Зачем? Ведь сейчас не время принимать гостей. Очень скоро, в эту комнату въедет другой постоялец, и никто не вспомнит, кто жил тут до этого. Стук прекратился. Ислава Богу. Опять тишина. Ну все. В этом мире больше не осталось никого, кто бы мог понять его. Больше не будет насмешек над его образом мыслей, над его внешним видом, никто не будет больше с жалостью провожать его взглядом, наблюдая постоянную боль в его глазах. Все.

Вдруг, ставни распахнулись, и на улицу высунулась острая мордочка соседа Дэна. Лис подумал, как глупо, что он не прыгнул раньше, сейчас придется объяснять свое поведение, говорить и слушать, и снова его не поймут. Ден, серый котятра, всегда веселый, полный энергии и, казалось, никогда не унывающий, тихо вылез на приступку и сел рядом с Лисом. Он ничего не сказал, просто сел рядом. В его глазах тоже отражался город. Они молча слушали радио, что доносилось из чего-то окна. То ли ветер затих, то ли стало теплее от присутствия этого совершенно чужого до этой минуты существа.

Lunar Fox

LunarFox@yandex.ru

Полюбить и забыть

Не видишь свет ты больше,
Не слышишь ветра свист.
Лишь тихие звёзды тебя окружают
И медленным шагом тебя согревают

Ты смиренно сидишь
Как всегда смотришь вниз.
Пытаешься встать но земля не пускает
И тёплые капли стекают с ресниц...

Сколько ночей ты себя убиваешь?
Сколько без смысла Ты слёз проливаешь?
Давай, поднимайся! Взгляни на луну,
Ты должен подняться, ты должен забыть

Как камнем у моря, меня ты оставил
Пройдя, как полночный прилив
Ты слёзы мои, для меня лишь оставил
Хотя мя уже никому не нужны..

Мяддиб

myad-myad@mail.ru

Синтетик

Было промозглое утро очередной в моей жизни осени. Странно, хоть в более холодные времена мне было не уютно и порой очень противно, это не мешало мне ненавидеть лето. Не знаю почему, может из-за палящего, душного, и в последние годы более опасного, солнца. Я иду, автоматически разглаживая свои длинные, и, к сожалению, неровные, усы. В правой лапе у меня был маленький портфельчик, совсем-совсем тоненький, недавно вошедший в моду, как одно из совершеннейших необходимо-технологических устройств. Несмотря на то, что в этом портфельчике находился встроенный телефон, автоматическая голосовая записная книжка, и много прочей инновационной фигни, вплоть до карманного компьютера, способного потягаться с действительно карманными, которые отдельно носить можно, компьютерами. Несмотря на все очень важные и удобные функции, которые иногда использую и я, мне больше нравились прошлые пузатые и тяжелые рюкзаки с кучей бумаг и документов. Пусть я и программист, отлично разбираюсь в синтетических новых “мозгах” компьютеров последний модели без всякой подготовки, я всё равно теряюсь в электронных данных. Даже если всё по полочкам разложено... Но что делать, три года назад в нашей и так отсталой стране ввели обязательным использование только новыми технологиями. Ну, это я своими словами естественно. Зашелестела листва, вдаль, впереди передо мною, высилась внушительная туча. Я благодарно представил несильному, но пронизывающе прохладному ветру свою морду. Было приятно... Прохожие рядом закутывались в различные плащи, куртки, свитера. Я жил в престижном районе. Здесь жили обеспеченные люди. Интеллигенция города. Считалось престижно коротко стричь свою шерсть везде на своём теле, даже

хвост надо было делать менее пухлым. И правда, выглядело по-деловому. Но я ни разу не прикасался к ножницам. Я гордился своим пушистым жёлтым мехом с разными по размеру чёрными пятнышками. К сожалению, эта шерсть была очень жаркая, и поэтому я, к вящему неудовольствию общества, летом линял. Может быть, потому и не люблю я лето? Многие думали, это из-за того что я одинок. Нет, нет, я счастлив. У меня есть друзья, родственники. Мне большего и не надо. Но факт оставался фактом, я холостой. Рядом проезжали машины, а я всё плелся на своих задних лапах всё ближе и ближе к месту работы, с тоненьким портфельчиком в правой лапе, и довольным выражением морды.

Фаза 1. Запуск систем цепной реакции

- Доброе утро, мистер Чит — улыбочиво произнес красно-шерстый охранник, подходя ко мне. Он был не так коротко пострижен, но очень любил следить за собой, и аккуратно, регулярно стригся и вылизывался в всяческих салонах. Не удивительно что у него всегда было много воздыхательниц. — Как дела, усатый?

Он был моим, ещё со школы, старым другом. История проста, мы были очень страшными врагами. Я уже и не помню, что и как. Помню, что я, наивный дурачок, резко предложил ему свою дружбу. И он вроде бы согласился. Как бы его не колбасило в те годы, даже будучи жестоким и, как он говорил, сатанистом, он всегда тепло относился ко мне. У нас вместе были самые лучшие приключения, а юда начало и меня колбасить от возраста, то даже подарил мне ошейник, и одобрил мои действия. Ну, захотелось мне стать ближе к настоящим животным, которые не умеют, как мы говорить... Хотя мы и внешне как животные, но об этом уже как-нибудь в другой раз. Такого друга нелегко было найти в те времена, а сейчас и вовсе нереально. Я улыбнулся:

- Фогги. Рад что ты выздоровел, — дружески обнимая недавно полеглою с почками друга, выдавил я.

- Я тоже рад вернуться на работу, — сверкнул глазами лис. — Особенно жду не дожусь наших новых приключений. Ты со мной? Кэтти специально меня ждала. Кстати, думаю, я ей не безразличен.

Я усмеялся. В чём, в чём, а в поедании чужих сердец лис не изменился. Я удручённо приподнял рабочий лазер-пистолет, только что незамечено исчезнувший у него из кармана.

- Ты куда бдительность потерял?

- На тебя она не распространяется.

- Ну-ну, — только и выдавил я. Когда-то давно мы поссорились, и я слямзил у него оружие. Все-таки я был с детства искусный вор. У него были большие проблемы с начальством. — Но всё-таки ты знаешь ответ, я не хочу оказаться поджаренным, да и наверно нас до сих пор ищут в нижних уровнях.

- Талий! В прошлый раз мне пришлось оставить там нашу, общими усилиями достигнутую, приличную заначку! Не хочешь, чтобы зря пропали все твои усилия?

Я задумчиво покрутил ушами.

- Я обещал себе выйти из игры...

- Всего лишь найти и назад.

- А как насчёт системы правопорядка? Там из-за твоей последней выходки все сканеры активизировались, да еще и междоусобные разборки.

Лис тихо зарычал. В последний раз когда мы там были, он умудрился нажать всеобщую тревогу, вместо того чтобы вырубить свет в переулках.

- Я тебя и так сильно тебя задержал, — обиженно процедил лис, заметив, что к нам начинают прислушиваться окружающие. — Встретимся в обед.

Я пожал плечами и пошёл дальше по коридору, к своему кабинету. Все-таки, думая, мы вязались в опасную игру. Пять лет назад решил подзаработать на свое обучение в университете мы с ним и с его подружкой из техникума - Кэпти. Мы перевозили через престижный район груз ценного, но, как оказалось, краденого, металла одному боссу очень влиятельной банды на нижних уровнях. Тогда еще новые технологии особо не были раскручены государством. По дороге мы наткнулись на сканнеров, и за нами скоро собралась погоня из пяти хранителей порядка. К несчастью, после изнурительного бега, нам перекрыла путь группа, посланная другим боссом банды, который обо всем разведal. Пришлось отстреливаться, хотя сзади напиралли хранители. Тогда попалась странная старуха,

которая и засунула нас в контейнер мусора, где пряталась. Казалось, нашего исчезновения никто и не заметил, и, правда, про нас попросту забыли. Я не человек с предрассудками. Но мне показалось, что это мистично. Историю можно долго рассказывать, но та старушка исчезла в итоге с нашим ценным металлом, и у нас до сих пор проблемы с той бандой на нижних уровнях.

Поднявшись на пятый этаж, я стоял и медленно целился ключами в замочную скважину двери моего кабинета. Я хмыкнул и мотнул головой, размышляя о последствиях. Деньги я нашел, устроившись на работу, где до сих пор и работаю. Но проблемы остались. Все эти пять лет мы были в приключениях на нижних этажах. Мы спасались бегством на крышах двухсот-этажных домов, прыгая, боясь упасть и превратиться в лепёшку. Мы спасали захваченную пантерами Кэпти, убегали на общественном транспорте от киллера, и даже были заложниками сбежавшего из дурдома психами. Одним словом, было весело. Теперь Фоггу понадобились деньги на лечение СПИДа его бедной, изнасилованной матушки (это отдельная история), и они пошли даже на то, чтобы тайно выкрасть у знаменитого подельщика документов Уухарвы почти бесценный медальон с выравненным на нём тигром.

- Добрый день сэр, — бархатным голосом заговорил включающийся компьютер НН-78. — На сегодня у нас много работы.

- Да, Энн, — включая экран, процедил я. — Я знаю.

Всё-таки, я был согласен еще раз пойти в приключение. Пока Фоггу делали операцию, я в глубине души, всё-таки, соскучился по нашим интересным похождениям к краю обрыва. Я приступил к деловому клацанью на клавиатуре.

В дверь постучали, приоткрывшись, в ней появилась юшачья мордочка молодой Кэпти. Она здесь не работала, но Фогги её всегда пропускал. Она была практиканткой истории в окружной школе для будущих теоретиков в области геологии. Мордочка озарилась улыбочкой.

- Привет! - весело прошептала она. — Сьюро обед, и мы собираемся с лисёнком сейчас пойти навестить его мать, а затем сходить на поиски, ты с нами?

Я неопределённо фыркнул. Кэпти нахмурилась.

- Могу я войти?

- Да, конечно, присаживайся. Чай, кофе?

- Нет, пожалуй, ничего особенного. Рассказывай, — закрывая дверь на замок и присаживаясь, заинтересованно выдала она.

Я глубоко вздохнул и мотнул головой.

Дело в том, что я уникам. Нет, нет, вы меня неправильно поняли, я не болен звёздной болезнью. Когда нечем заняться, я начинаю много думать. Занимаюсь своей собственной философией. И порой, когда я, уверенный, что говорю правильно, позже понимаю, что выглядел настоящим идиотом. К несчастью, я размышляю до сих пор, с раннего детства. Моя удивительность в том что я не соткан и не окован всякими неписаными правилами внутри определённого возраста. Да, да, я долго размышлял об этом, и к этому сам пришёл. Во все возрастные категории есть свои заморочки, которые, к несчастью, иногда остаются на всю жизнь. Я этим не окован, я не боюсь и мне многое не противно. Поверьте, я много пережил и перепробовал того, что считают противным, невыносимым и низким многие. Я могу всё. Я был безупречный актер. И я творил с собой всё что захотел. Ничто не предопределенно, всё зависит от того, как ты заставишь себя быть таким или делать так. Но это, наверное, и вы знаете.

- В это время я ничего не думал, — возразил я.

- Я вижу твою недовольную и грустную морду.

- Осень...

Она стукнула кулаком.

- Кому ты мозги паришь?

- Слушай, я не хочу, чтобы ты сидела тут и...

- Не забудь, я тебя насквозь вижу.

Это меня “улыбнуло”. Все так говорили в школе, все так же говорят и сейчас. Даже Фогг думал, что знал меня, как облупленного. Судьба ли, что я никогда не показываю свою злость? Они не видели меня злым ни разу, я всё прячу в себе. Даже мысли надёжно скрыв в моей черепной камере. Да и не знают они, что я капельку умнее, чем кажусь. Я остаюсь загадкой, хотя и все уверены, что меня знают.

- Что смеешься? Разве нет?

Мой ответ прервал жалобный писк моего компьютера.

- Доставлено три сообщения.

- Прочитай заголовки, — автоматически сказал я.

- Первое письмо. Исходный код файла подкачки программы энергетического распределения по секторам здания.

Это была проблема с почему-то не поступающим электричеством в лифт десятиэтажного здания. Просили найти ошибку и исправить до следующей недели.

- Второе письмо, — механически скрипел НН-78. — На ваш счёт положено 800\$

И с этим понятно. Его месячный заработок, скинутый в начале осени за прошлый месяц.

- Третье письмо. Извините, но заголовка или темы нет Аноним.

У меня появилось странное предчувствие. Кэти лишь улыбнулась.

- А говорил, спам уже год как не приходит. Хочу заметить, что ты так и остался хитрым, как лис. Странно, что ты родился...

Она продолжала безуданно говорить про мои качества, пока я, словно в тумане, лично прочитал письмо. К её женской досаде, я её перебил.

- Собирайся, возьми мой ручной лазер, пару детонаторов и... бульжник.

Это был бульжник, который спас мне жизнь, я об него споткнулся в момент, когда киллер выстрелил в ничего неподозревающую мою персону.

Я задумчиво стал разглаживать свои усы.

- Зачем? - удивилась Кэти.

- Будем спасать существо под именем Фогги.

Мы мгновение смотрели друг на друга, и так же мгновенно и шумно всючили со своих кресел.

Фаза 2. Система в действии

Мы ехали в моем рабочем фляере. Он мне был нужен для длительных поездок, например чтобы забрать новое оборудование, встретиться с людьми,

желающие осуществить заказ программного обеспечения у нашей фирмы и прочее. Можно было отдать управление встроенному в флаер роботу. Но я предпочитал всегда добираться своими лапами. 5% страны умеют водить флаер. Я учился самостоятельно. В обед обычно пробок не было, и мы на большой скорости мчались по шоссе, оставляя другие флаеры далеко позади. В нашем городе, особенно на трассе, по которой я сейчас ехал, весь день держались устойчивые пробки. К счастью существовало множество объездных путей и переулочек. Я быстро прогнал эти мысли.

- По ходу его схватил нами всеми любимый Уухарв чтобы вернуть амулет. Хотя не думаю, что он оставил бы Фогта в живых.

- Я думаю, всё идёт правильно. Он хочет амулет обратно, и посему он взял в заложники кого-то близкого нам человека.

Я скривился.

- Нельзя было просто денежек заработать, а не ввязываться в это дерьмо снова?

- Операция стоит много больше, чем можно заработать. Это стоит половину от стоимости амулета.

Взрыкнув, я дернул руль, чуть не врезавшись в грузовой флаер. Слишком эмоционально и резко. Кэпти это почувствовала.

- Она очень ценная, это последняя из вещей оставшихся от хуманов. Ты же знаешь как ценятся сейчас вещи сделанные в век "Ядерной Войны".

Я задумался. В детстве меня привлекала история появления наших хвостов. Хуманы - бесшерстные люди, когда-то раньше существовали. В те времена Россия и Украина решила изобрести совместное оружие против грозящей наступить Третьей Мировой Войны. Годами они тайно сотрудничали вместе для создания единого стимулятора делающего человека почти бессмертным и не чувствующего боли тираном, вместе с прорывом в лазерные технологии оружия. В юнцве века, когда поколение отточенных наукой великих умов обеих держав уже сменилось жёлторотыми юнцами, люди сумели создать первую пробу стимулятора. Синтетик был его юдовым названием. По идее, он должен был вводиться в человека, и человек обретал животные свойства на целый месяц.

Правда, к концу месяца, когда вакцина начинала рассасываться, человек умирал от бессилия. На опытах всё оказалось ужасно. Люди просто озверевали, и в основном обретали повадки разных диких животных. Большинство умерло спустя неделю. Некоторые были поначалу спокойны, но потом спустя месяцы с ними стали происходить болезненные мутации, многие опять таки не выжили, но самые крепкие стали походить на антропоморфных диких животных. Их тайно и незаконно перепродавали в Китай, Японию и прочие государства Востока. Наши предки пришли с Китая. Неизвестно какие там с ними произошли мутации. Но каждый детёныш такого "животного" был другим видом. У юшки рождался лис, у волчихи пантер и т.д. В то время была очень развита террористское движение. Лабораторию захватила террористская группировка, и во время захвата, дюжина "зверей" сбежало в прилегающие горы. Один из "зверей" во время опытов воспластал симпатией к практикантке-учёной, и так уж случилось, что во время штурма, когда это был именно кот, вырваеё из лап террористов и чуть не потеряв свою жизнь, бежал в те же самые горы. Всё-таки Третья Мировая настала, Украина и Россия разработали новую технологию вооружения, и теперь намеревалась захватить Европу, к которой тут же присоединились Китай и Япония. Ядерная война, и на долгие века планета пустовала и голодала, пока человеческий род не вымер. А селекционно-выведенные зверьки тем временем активно размножались в горах и наверно ясно, откуда потомки научились разговаривать, думать и вообще стали людьми. Только пушистыми и несколько хвостатыми. На самом деле не было ядерной войны. Третья Мировая была между людством и нашим и предками, которые, изрядно поумнев, захватили секретную лабораторию в Китае под свою власть и тайно размножили свои ряды. Россия не скоро, но по своим шпионским сетям узнала об этом и распространила новость по Европе. Китай подвергся излучению более, чем пятисот ядерных ракет. Разразился скандал между Европой, ООН и НАТО. А тем временем, успевшие эвакуироваться без единой потери до бомбёжки, звери собрали великую армию. И сумели выступить против тирании людства. В течение тысячелетия война не утихла, пока разозлившиеся зверьки не уничтожили всё Людство на земле, а Синтетик считается утраченным навеки. Откуда я узнал правду? Всё-таки, Кэпти была практиканткой истории, и ей был

дан, хоть и неполный, доступ в тайные секции библиотек нашей страны. Только вот интересно, почему от нас скрывают эту правду?

Я остановил флаер. Мы были в абсолютно пустынном и тесном переулке. По земле были разбросаны грязные журналы и листовки. Это было то самое место, где мы впервые участвовали в переделке.

- Как-то слишком тихо, — поджала ушки Кэти.

- Сопласен, — отозвался я, вылезши наружу.

- Что решил делать?

- Прежде всего, мы должны найти амулет, это будет самое разумное, — отозвался я, рассматривая балконы создающих переулков домов. — А потом пойдём в назначенное место и обменяем амулет на Фогга.

- Ты хочешь просто так отдать амулет? — удивилась Кэти.

- С этими парнями не стоит играть, я лучше пожертвую своими деньгами на лечение матери Фогга. И если надо будет, засуну ему в упрямую пасть эти деньги, — сказал я, снимая с предохранителя маленький, но мощный дамский бластер. Я незаконно его модифицировал в нижних уровнях. Теперь он не уступал возможностям военного абордажного ружья. Ведь дамские бластеры максимум оглушить могут.

Фогг не любил брать денег в помощь, он предпочитал всегда отдавать долг, как только смог. Но я настойчив, он и так слишком часто берёт мою помощь, как материальную, так и различные советы. На этот раз он решил меня не напрягать.

- Но мы же столько ради него...

- Жизнь лучше, — заметил я. — Тем более если его убьют, его матери тем более лучше не станет.

- Будто бы не убьют и нас, когда мы отдадим им амулет, — прошипела спутница, настраивающая обычный ручной лазер.

Я тактично промолчал. Да и не сумел ответить бы. Я случайно, когда доставал, чтобы перепрятать в потайной карман чип-хранитель данных, из широких карманов джинсов выпал маленький булыжник, и долбанул меня по лапе. Я громко зарычал, прыгая на одной лапе, мрякнув оступился и плашмя

упал на землю. Чёртовый булыжник всегда почему-то спасал мне жизнь именно так болезненно. В стене дымилась ямка бластерного выстрела. Кэти мигом нырнула за флаер, и периодически высовываясь и стреляя в сторону балконов. Заряды летели мимо.

А про меня снова забыли, вот такой я неприметный. Я усмежнулся своим мыслям и прицеливаясь аккуратно снял два стрелка. Опустилась тишина.

- Думаю, они уже знают что мы тут, — отозвалось из-за моего флаера.

- Кэт, где вы спрятали амулет?

- В нашем старом доме, — усмежнувшись, сказала она.

Она любила так подшутить над Фогги, имея ввиду место, где мы первый раз прятались. Мы направились к мусорному контейнеру, и приоткрыв крышку нашли его полностью пустым. Тишина висела давящим грузом. Солнце уже шло за горизонт.

- Тут мусорщики бывают? - отозвался я.

- Вряд ли.

- Тогда мы влипли.

- Я знаю.

Фаза 2. Замыкание в цепи

Вдали переулочка появилась тень, мы спрятались за контейнер, целясь в нее.

- Талий, Кэти, я тоже рада вас слышать, — отозвался хриплый старый голос.

На свет вышла довольно таки старенькая и хлюпенькая куница. К сожалению, то, как она была стара, не означало, что она не может метко стрелять, перекачиваясь из стороны в сторону. Тёмное у неё прошлое. И тёмные у неё планы.

- Чего тебе? Мало, что втянула нас в свои неприятности? - прошипел я.

- Мяф, — тихо отозвалась Кэти, взволнованная не меньше чем я.

- Поверьте, я абсолютно, не хочу вам доставлять много хлопот. Но я могу сказать вам, где амулет.

Я знал, что она нечто вроде крутой шишки в нижних уровнях. Она знала всё,

но действовала очень редко, предпочитая вести партии больше, чем открытый бой.

- И что ты хочешь от нас?

- О-о-о, совсем немного, — она усмехнулась, - Всего лишь, чтобы вы взяли меня с собой, спасти Фогтушку.

Я искренне удивился.

- С чего бы это?

- У меня есть сделка к нему. Дорогостоящая. Он от неё не откажется, — уклончиво отозвалась она.

Смутно понимая, что я делаю, я фыркнул. Затянулось молчание, я усиленно крутил мозгами. Мы не встречались с этой бестией. Да, не скрою, иногда она приносит, всё-таки, неприятности, но иногда и полезна нам. Она не питает к нам враждебных чувств... Она нас просто использует. Впрочем, предлагая свои услуги.

- Хорошо

- ЧТО???

- Кэтти...

- Ты хоть раз думаешь головой? Или тебе усы надо обрезать?

- Она...

- Нет! Она опасна.

- Она может нам помочь спасти Фогга, — быстро проговорила. - Нам сейчас любая помощь понадобится. Я же знаю, чего стоило тебя спасти в тот раз.

Кэтти тихо шипела, соглашаясь с этим. А куница уже подошла к нам и, стрельнув улыбкой, вынула откуда-то из складок мантий амулет.

Я побледнел, что-то тут нечисто.

- Я сберегла это для вас. Оно вас утешит, — таинственно прошептала она. — А теперь, юные друзья. Как вы собираетесь спасти лисика из лап террористической группировки?

- Террористической?! - недоумённо переспросил я.

Старуха только усмехнулась, и словно из ниоткуда достала карту.

- Это минус третий этаж нижних уровней высшего сектора. Вот, — она показала облезлым пальцем в детальный план какого-то сектора. —

Заброшенный склад. Там они установили взрывчатку. Проще говоря, скоро всё рванёт, и весь квартал нижнего уровня уйдёт под землю. Фогг скорее всего где-то вот тут, в плавном корпусе.

Я немного подумал.

- Через главный вход нам не пробраться, слишком много охраны, — медленно урлыкала. — Возможно, нам стоит прорваться через вентиляционный люк, с минус второго этажа. Тут люки достаточно большие чтобы пролезть, насколько я помню. Нам нужно отключить питание, чтобы нас турели не испепелили, или всяческие там автоматические установки, этим займусь как всегда я. Кэтти, найди Фогга, и дождись нас вот здесь, — я тыкнул пальцем в карту, показывая зал, забитый ящиками с рыбой. Так, по крайней мере на карте нарисовано. — А ты...

Куница усмехнулась своей сухой улыбкой.

- А я сама знаю что мне сделать.

Она резко развернулась, оставивши нам карту, и пошла прочь, исчезнув в ночной мгле.

- Не нравится мне это, — прошептала Кэтти.

Я, ощущая озноб, ободряюще обнял её за плечи.

В вентиляционной шахте было тесновато. Худенькая Кэтти правда могла разворачиваться во всю, хоть бы и летать. А я, достаточно широкий, тёрся плечами об стенки шахты. Полупрозрачный люк показывал под нами двоих охранников-террористов. Морды неразличимы. Я тихо ругнулся.

- Тихо, — прошептала Кэтти. — Они сейчас сами уйдут.

И действительно, минут через пять, на незнакомом языке, таинственным камикадзе по радиации передали какой-то приказ, и они вскоре скрылись вдалеке.

Достав булжик, я необычайно легко выбил полупрозрачный люк и, прыгнув в хорошо освещенный коридор, перекатился и спрятался около двери. Следом последовала Кэтти. К несчастью, я не нашел денег на поступление в какой-нибудь захламленный колледж, и меня забрали в армию. Там я получил много понадобившихся тут, в этом мире, навыков. У меня остались с армии некоторые

очень важные, но многие, я обрел в приключениях в этих “приятных” местах. А ведь завтра на работу, думаю я.

- Ты помнишь, где мы? - спросил я.

- Да, — тихо муркнула Кэтти. — Поначалу у нас общий путь, а там я тебе скажу, куда и как идти.

Кэтти легко запоминала все карты, и расположения. Как жаль что у меня не такая феноменальная память. Я приоткрыл скрипящую дверь, и оценил обстановку. Обстановка тут же отзывалась выстрелами. Я быстро прикрыл дверь.

- Около пяти, на балконах Три около машин. И разбросаны бочки.

Кэтти кивнула соображая.

- Тебе главное скрытность, ты не меткий.

- Вот уж не меткий, — обиделся я.

- Когда в тебя стреляют ты трясешься как контуженый, — напомнила она.

- Ладно. Давай, — робко сказал я, доставая детонатор.

Кэтти приоткрыла дверь, бросила детонатор в щель, пнув туда же прилетевший изнутри подарочек террористов. Бабахнуло. Сзади. Дверь разлетелась по всему юридору, удушливо лапая ноздри запахом озона. Трое террористов уже заняло боевую позицию, и стреляло в нас.

- Чёрт! - вскрикнула Кэтти, взметнув ручной лазер и наугад стреляя в ту сторону.

Я лапой распахнул дверь, врываясь внутрь огромного зала, целясь в старые заводные машины. Кэтти права, стреляя никуда. Зато я представлял вполне поражаемую цель. Трое около машин успели нырнуть за саму машину, отстреливаясь. Я не заметил, куда спряталась Кэтти. Прячась за достаточно большую бочку, я громко зарычал от боли. С балкона кто-то умудрился попасть мне в заднюю лапу, точнее в бедро.

- Я ранен!

- Видишь зеленую ржавую дверь? - послышалось откуда-то издалека зала.

- Да, — крикнул я, заметив дверь через три бочки от себя.

- Беги туда, там, в юнцелюк. Открой, спустишься вниз, там найдешь систему обеспечения.

Я кивнул сам себе. Собрался с силами, рванул, и громко вскрикнул от резкой боли в бедре. Чёрт бы подрал этих стрелков. Я потерял слишком много времени, теперь начали стрелять в мою сторону. Я наугад высунул бластер из-за бочки и несколько раз выстрелил. Собравшись с силами, я снова, с диким ревом, рванул к ближайшей бочке, хаотично отстреливаясь бластером. Следующий выстрел наступил меня в пути, но всего лишь легонько скользнул, подпалив мне шерсть на спине. Шерсть мгновенно вспыхнула, и я, скорее от страха, чем от боли упал за бочкой спиной на пол и начал кататься на нем. Слава богу, очаг был маленький, хоть и жгло очень больно, я сумел потушить огонь. Рядом с правой задней лапой, а дверь, куда я направлялся, была справа, чуть левее лапки в пол ударил иссиня-серый луч. Чуть не попали. Я крикнул, развернувшись и высадил два луча в неудачно высунувшуюся морду террориста. Затем прицелился, бешено танцующей мушкой в дверь, и чуть прицелившись, выстрелил. К счастью я попал сразу. Дверь там, где была замочная скважина, расплавилась, а затем, скрипя, открылась. Наверное, туда с другой стороны заходят, думаю я. Перестрелка продолжалась. Меня на время опушило, рядом взорвался детонатор. Снова пересилив себя, под шквалом выстрелов, я метнулся к той двери, как можно быстрее преодолел маленький коридор и скрылся в темной боковой комнате. Немного передохнул.

- Чёрт подери, террористы. А я то думал..

Разорвав и так разорванную рубашку, я, рыча от боли, на скорую лапу крепко обвязал себе талию, обхватив бедро.

- Кэт, держись, — прошептал я, и чуть было не выскочил. Рядом пробежали дальше два террориста. Я выскочил следом, бесшумно прокрадываясь по коридору, я последовал за ними. В конце коридора был люк, он был открыт. А со стены свисал мигающий красным автотурель. Это меня засекло. Терроры заметили это и как по команде развернулись. Пока машина набирает скорость и необходимую теплоту, можно было драться. Я выстрелил в самого рослого, моментально испепелив ему грудную клетку. Второй вспыхнул красными точками в глазах и с рычанием бросился на меня. Лев. Я пытался вцепиться ему в плечо, но, к сожалению, мне давно уже не доводилось драться.

Лев оказался искуснее меня, он прогрыз мне лапу, и я выронил бластер, началась тихая борьба. Мы пытались укусить или прогрызть друг друга насквозь минуты две, пока турель не ожила. Лев прикрыв меня своей спиной, и я успел нырнуть за ящик. Два три прямых попадания испепелило желудок Льва насквозь, я старался не смотреть на это ужасное зрелище. Турель пищала. Я подумал, по идее турель действует на тепло, значит, детонаторы тут могут помочь, однако турель могла реагировать на живую материю.. Я решил рискнуть, активировав все детонаторы и забросив их в люк. Послышалось многократное БАМ, и турель тут же затиха. Затем постепенно выключился свет, но включилось слабое аварийное освещение.

Фаза 3. Починить неисправное звено

Я осторожно вышел в огромный зал, вокруг никого не было. Странно. Перестрелка закончилась тут же, как я обесточил весь завод. На бочке кто-то сидел, в темноте не было видно морды, но я все же не стрелял.

- Талий!!!

Фогт кинулся ко мне и крепко обнял.

- Заду..ши..ш, — прохрипел я.

- Я так рад, что ты не отдал медальон! Ведь ты не отдал?

- Нет, — немного оторопело сказал я. - А где Кэти?

Выражение морды Фогта стало плачевным.

- Её случайно пристрелили в разгаре сражения.. Подпалили её шерсть. Она не сумела его потушить. Второй выстрел был от турели... А ведь я любил её...

Я тихо осел на холодный пол.

- Кстати, — миролюбиво сказал Фогт, — Пожалуй, нам пора убираться отсюда, и дай мне медальон. Я хочу его у себя хранить.

- Кэти больше нет, а ты о медальоне думаешь? Любил, значит?

Фогт скривился.

- Она меня убить хотела, ты разве не знаешь?

Я не успел ничего сказать. За меня уже сказали.

- Конечно, она ведь из Спецслужб, она про тебя всё разузнала.

Я повернулся и увидел как из коридора, откуда только что вышла я, вышла куница, наша старая знакомая.

- Молчи, — зарычал лис.

- Что здесь чёрт подери, происходит? - я в нерешительности опустил бластер.

- Расскажи малышке. Он всё равно втянут в игру уже давно. Не так ли?

Фогт выглядел обескураженным. Мой бок ныл, а раны оставленные львом саднили.

- Хорошо. Талий, — он отвёл глаза. — Я работаю на правительство. На марсианское правительство.

Я выпучил глаза.

- Помнишь старую байку, которую рассказывают детям, откуда мы такие пушистые пришли? И правду, рассказанную предательницей Кэти? Кстати, да, я её убил. Она в последний момент всё поняла по моей нелепой ошибке. На самом деле всё ещё запутаннее. Вас бы выпеснили. В смысле нас. Но половина хуманов земного шара, за всё время пока над нашими Отцами кудесничали хуманы, сумела создать корабль и отправиться на Марс. Они сделали эту планету обитаемой, да. И теперь они летают в космические путешествия. Слышишь? Хуманы не стёрты с лица земли, лысые человечки существуют и по сей день. На всей нашей земле есть пару хуманов, они управляют президентами наших стран. Хуманы экспериментируют и дальше.

Я не мог в это поверить. Мы подопытные кролики?

- Да, это всего лишь полигон. Но кое-кто из ваших сумел сохранить очень важное вещество. Синтетик. Единственный. Он мутирует твои гены до неузнаваемости, но так чтобы ты существовал дальше. Понимаешь? Мутация, без вреда для психики, тела и прочего. В него всего лишь надо добавить один компонент с части тела того, кем хочешь стать. Террористическая группировка хочет заполучить этот Синтетик, чтобы начать эксперимент самим, и достойно выступить против “тирании марсианских хуманов” своими селекционно-выведенными клонами супер-сущест.

Он скривился в презрительной усмешке.

- Как видишь, террористов успешно возглавляет наша старшая, неизвестно

откуда взявшаяся куница. Даже мы ничего не знаем о ней. Ни-че-го. Но это неважно. Талий, спасибо, что ты так помог мне найти этот амулет. Внутри он полый, а в нём очень мало, но достаточно Синтетика. Отдай его мне. Моё начальство уничтожит его, а ты поступишь к нам на работу. Что скажешь, дружище?

Его голос был полон энтузиазма, казалось, что он не уверен, а знает, что як нему примкну.

- Ты очень удачлив Талий, — тихо сказала куница. — Ты опытен, ты хороший боец. Ты можешь нам помочь в сохранении мира. Наша раса станет свободной, она должна быть свободной, она пережила много войн и унижения, и я не позволю, чтобы ей правили какие-то придурки с Марса.

Я задумчиво посмотрел на куницу.

- Выбор твой. Хотя ты медлишь.

Я посмотрел на лиса. Он смотрел только на меня.

- Почему ты говоришь “вы”? Ты не пушистый?

- Я пушистый. Просто мне всё детально разъяснили в Академии...

Я вздохнул.

- Господа, мы теряем время, — тихо пожала плечами куница. — За вас уже все решили.

И она тихо растворилась во тьме коридора.

Мы удивлённо переглянулись. Я облапал себя, и вытащил амулет. Фогг вздохнул.

- Я думал она снова украдёт, дай мне его сюда...

Лис потянулся за амулетом, но я отошел на шаг назад.

- Отдай, — процедил Фогг сквозь зубы. — Или я тебя пристрелю, и заберу амулет.

- Нет... - неуверенно сказал я. — Вы все не правы...

- Чтож.

Я не успел заметить ничего кроме вспышки перед глазом...

Короткая Фаза 4. Цепь восстановлена

Фогг наклонился над бездыханным телом его бывшего друга гепарда.

- Извини, — только и сказал он, присаживаясь к телу. Сколько общего у них было...

К нему подошел высокий мужчина средних лет с короткой бородой и длинными, собранными сзади в хвост волосами. Одет мужчина был в строгий костюм из серого пиджака и брюк.

- Амулет, — скривившись, сказал он. Он ненавидел этих тварей, жалкая пародия на человека. Как же они омерзительны, думал он.

- Сейчас сэр, — Фогг поднял амулет и передал мужчине.

Мужчина, брезгливо поморщившись, взял амулет и, вытерев его салфеткой, спрятал в карман. Надо вымыть дома руку после его грязной лапищи, решил мужчина. А теперь, убрать всех свидетелей.

- Отлично, я передам начальству. Вы хорошо поработали мистер Фогг.

- Да... Теперь я хочу увидеть свою семью.

- Боюсь, вы единственный член семьи.

- Как... Но...

- Вы слишком медлили, мистер Фогг. Они умерли. Мы пытались договориться...

Лис со слезами на глазах отвернулся... Ему было больно...

Щелчок... Тихий звук, который перекрыл глушитель... И древний Easter Eagle оборвал жизнь последнему у потомку неизвестной семьи... К большому разочарованию мужчины, амулет был подделкой...

Мяддиб, Крылатый кот

Quoll

geohound@tut.by

Звездопад

Мы смеёмся и плачем - но всё не попад;
Скучной правде не веря, грустя о минувшем,
Ищем взглядом на небе хмельной звездопад,
Чтоб доверить мечте свои детские души.

Мы её, словно тень, всюду носим с собой,
Рядом с сердцем, в обычном нагрудном кармане.
Так забавно: из нас абсолютно любой
Видит луч в облаках, хоть и бродит в тумане...

Нам фонарь у дороги - не просто светло -
Это друг по безмолвной тоске о грядущем.
Вот упала полоской звезда. Как тепло...
Сердце вновь не болит, забывает о сущем...

Но проходит мгновенье - а чуда всё нет.
День проходит, неделя, сменяются годы...
И опять манит взгляд тот мерцающий свет,
И опять ждём явления звёздной природы.

Вновь смеёмся и плачем - увы, не попад;
Свою боль охраняя, грустя о минувшем,
Ищем взглядом на небе хмельной звездопад,
Чтоб доверить мечте свои детские души.

Призыв to позитив

Так хочется чего-то озорного!..
Отрежьте грусть - и сделайте бульон!
Нет - вот внутри стихов опять и снова
Горит закат, бездонный, как каньон.

И сам, как ни пытаюсь попытаться
(Звучит как каламбур, но это так)
Хвостом вилять, носиться и смеяться,
Как будто недоделанный дурак,

В итоге получается всё то же:
Мечты и грусть, несбыточные сны,
Следы в грязи, дороги вен на коже
И “снова всё погибло до весны”.

Так хочется представить леса краски,
Резвящихся задиристых волчат!..
Нет - радость, позитив, напялив каски,
Забрались в темный бункер и молчат.

И сам, взяв в лапу ручку, вновь пытаюсь
Средь образов толпы найти такой,
Что радовать бы мог. Увы, теряюсь -
И вновь печаль расходится рекой.

О, брат-поэт, ты видишь: не способен
Один сей страшный сплин я побороть!
Поддержки жду: ты вроде приспособлен...
Давайте позитивней чушь пороть!

Россомаха

pos.leb@mail.ru

*А на то мы и поэты
Чтоб слетать клинок из слов.
Видеть то и слышать это
Напиваясь пылью снов*

*Насыщаясь силой чувства
Строки кровью выжигать
И златым пером искусства
Чувством души наполнять.*
24.09.06

What is Furry?

Ты можешь мне задать вопрос
Который люди задавали:
«А Фурри – это что, всерьёз?»
Хотя поймёшь меня едва ли...

Но постараюсь объяснить
Тебе, что это за движенье.
Клочок души в стихи вложить,
Не подавай же нас сомнению...

Итак, представь себе: юмок
Большой, пушистый и лохматый.
Он грязью жизни не намок.
Лишь солнцу жмурится заката.

И лапы с острыми когтями
И шерсть пушистая ершится
А под мохнатыми слоями
Душа и разум шевелится

И он не мыслит не о чём,
От мира мехом застилаясь.
И жизнь царапает когтём,
Самим собой лишь оставаясь.

Ну а вокруг – вокруг друзья.
Вокруг такие же, как он.
Без них не проживёт и дня.
Они для жизни эталон.

Пушистые создания тьмы.
Пушистые создания света.
С реальной жизнью бьемся мы,
Отдав себя сознанию лета.

И вроде внешне мы, как ты.
И то же в жизни нашей бремя.
Но а под сердцем, взяв мечты,
Пушистый зверь щеочет время.

Ручка

Вот какое состоянье
Нужно для стихов писанья.
Нечто между сном и явью
И бумага пред тобой.

Ручка разум побеждает
Строчки краской выжигает
Ни о чем не вспоминает
Подстрекается мольбой.

Я сижу, лежу, летаю
Сплю и что-то вспоминаю
А что именно - не знаю.
Выражаю ручкой тои.

Ручка все о мне расскажет
Ручка все вам вмиг покажет
Ручка со столетним стажем
Перьев с краской яркий рой.

Я остаюсь.

Я остаюсь Я буду здесь!
И стиснув зубы штормить месть.
Я остаюсь Я буду здесь.
Пока не стукнет злая весть.

Я буду тут. Я буду так.
Как я хочу. Как знал когда-то.
От ярких волн земных атак
Я защищусь. Я остаюсь, ребята.

И вам меня не утащить.
Я буду здесь. Что б вы не знали.
Я буду этот мир любить.
Где я живу. Вы все достали.

Я не поверю строю слов.
И обвеваящей отраде.
Я буду жить на грани снов.
И не уйду, растаяв в стаде.

Selker

Selker@yandex.ru

Одиночество в ночи

Я люблю ночь - время, когда остаешься один на один со Вселенной. Во тьме открываются истинные очертания мира, обычно скрытые завесой дневного света. Из тьмы возникли очертания галактик и созвездий, и во тьму они уйдут, когда наступят Сумерки Вселенной. Днем, ты видишь только фальшивый синий купол небосвода, но ночью он исчезает, открывая подлинную глубину мироздания. Звездный свет зовет за собой, заставляя покинуть негостеприимный мир, в котором остается только оставленное душой тело. Сон дарит освобождение от оков плоти, срывая преграды между измерениями и стирая время и расстояние. Обычно, люди боятся сновидений, ибо им непонятен тот мир, что лежит за пределом сознания. Он чужд, и в нем много тайн, а люди не любят тайн - они любят ясность и порядок. И очень редко можно встретить человека, считающего своим истинным домом вселенную грез.

Я уже почти забыл то время, когда грелся под лучами восходящего йяканского солнца и слушал мягкий плеск теплых зеленоватых волн Кессинайанского Океана. Это был сон - не более того. Сном была и та бездна, вне пространства и времени, где среди ключев мрака плыли зыбкие, неясные очертания безликих сущностей, имени коих не в состоянии произнести ни один язык. Жизнь была иллюзией, Забвение мороком. Реальность оказалась совсем иной. Каждый день я вижу вокруг себя тех, кто называет себя людьми. Их много, и они очень разные. Среди них есть гении - есть замечательные писатели, музыканты, художники... Но все они чужие. Нет, я не говорю, что они опасны или неприятны - они просто чужие. Я говорю с ними, слушаю их, понимаю значения слов, смысл фраз, но не могу понять все целиком. Они живут в мире без будущего и без определенного прошлого, поклоняются странным богам и,

веря в них не могут принять простейшие чудеса, совершаемые без помощи каких-либо богов. Они говорят о любви к жизни, но сами отнимают ее у тех, кто не способен оказать им сопротивление. Они рассуждают о добре, хотя никто из них так и не понял, что такое добро.

Водну изначей, когда на темное, чуть затянутое пушистыми облаками небо, уже взошла бледная луна, я спустился по еле заметной тропинке к берегу озера. Над ровной водой повисли облака легкого тумана. С трех сторон озеро обступал густой лес, тянувшийся на невесть сдюлю лиг, в чаще которого перекликались невидимые птицы. Громадные, разлапистые деревья клонились к воде, стараясь дотянуться до нее своими ветками. Хотя ветра и не было, кроны деревьев шевелились, словно эти исполины жили собственной, не зависящей ни от кого жизнью. Иногда мне даже казалось, что из земли показывались юркие, бесформенные корни, и то или иное дерево переползало с одного места на другое. Мрачность и величие этого первозданного, необъятного лесного простора, поражали, заставляя думать, что где-то там, в непроходимых чащах, еще осталось место для тайн и легенд.

К моему удивлению, я оказался не один. На большом валуне, царственно раздвинувшем своей каменной тушей прибрежный кустарник, сидел человек. Он молча смотрел на воду, на которой серебрилась дорожка лунного света, и в которой рассыпались яркими белыми искорками отраженные звезды. Ни берег, ни человек, ни мрачный лес с бродячими деревьями не отражался в воде — лишь небо, луна и звезды.

Человек заметил меня, но не удивился и не испугался. Он просто спросил:

— Кто ты?

— Я? — поначалу вопрос поставил меня в тупик, — Я Селкер. Можно для краткости Селк. Странно, что ты спрашиваешь об этом. Ведь я твоё творение.

— Ах да, конечно. — вздохнул человек.

— А кто тогда ты? — в свою очередь спросил я.

— Разве не видишь? Я человек. Таюй же, как и многие другие люди на Земле. И ты не моё творение. Тебе принадлежит совсем другой мир и совсем

иная эпоха.

Я не видел лица человека — его скрывала тень. А он, насколько я понял, также смутно мог догадываться о том, кто я таюй. Но, так или иначе, эта встреча не была случайной. Мы вдвоем оказались на берегу озера, возле неустанно хранящего свои тайны леса. Он — человек, и я — существо, внешне похожее на вставшую у задние лапы черную пантеру. Его родиной была Земля, я же постоянно витал где-то среди грез и снов, то спускаясь на эту самую землю, то вновь исчезая.

— Можно я спрошу тебя кое о чем? — тихо сказал человек — Почему ты сказал, что я создал тебя?

— Не совсем ты, — ответил я. — Просто все люди чем-то похожи. Их объединяет многое, но они не хотят замечать этого. Они привыкли искать в себе только различия. Странно, что обычно, найденные различия люди мгновенно начинают использовать во вред друг другу.

— Но ты не ответил на мой вопрос.

— Я и не смогу на него ответить. Может быть, меня создал ты, может быть, задолго до тебя, еще в Древнем Египте, возникло существо, по имени Секер, ставшее ночной ипостасью бога Ра. А может быть, задолго до Египта, меня создали первобытные народы Африки, приносившие жертвы черным пантерам, оставляя им на растерзание осужденных за тяжкие провинности членов племени. Кто знает? Все люди чем-то похожи. Меня создали люди, поэтому и тебя я считаю своим создателем... Впрочем, с той же долей истины можно сказать, что и я в чем-то создал людей...

— Это еще почему?

— Потому что мы тесно связаны друг с другом. Оказывая влияние на меня, вы позволяете и мне оказывать влияние на вас. Я олицетворяю тайны природы, а человек ныне олицетворяет могущество мертвого, железного мира высоких технологий и материальных ценностей. Мира, столь же могущественного, сколь и бессмысленного. Природа видоизменилась под воздействием человека, однаю этот самый человек, как был, так и остался ее частью. Он убегает от осознания этого, прячется за своими электронными безделушками, но, увы, тщетно.

— Не все пытаются убежать от этого. Многие пытаются защитить природу

от влияния нашей же техносферы. — возразил человек.

— Конечно. А что им еще остается? Только их усилия абсолютно бесполезны. Неужели ты думаешь, что из-за них человечество, все остальное человечество, свернет с избранного пути? Нет.

— Но ведь в последнее время человек подчинил себе стихии. Он создал самолеты, что бы летать, батискафы, для погружения в океанские глубины... он полетел в Космос наконец... Мы победили многие болезни. А ты говоришь, что наш мир бесполезен...

— Да, человек достиг многого. Но этим он не подчинил себе стихии. Знаешь, мне все больше кажется, что сейчас человек стал куда больше бояться наводнений, цунами и прочих природных явлений разрушительного характера, нежели две или три тысячи лет назад. Тогда он смотрел на них, как на проявление некой божественной силы. Сейчас, он, подознательно, смотрит на это, как на природную кару... То есть, просто признает, что Природе есть за что его карать. Ну а что касается бессмысленности... Ответ мне на простой вопрос: а насколько сейчас защищен человек от например, столкновения планеты с большим астероидом? У вас есть компьютеры, автомобили, мобильные телефоны и самолеты... но от удара из Космоса вы защищены не более чем динозавры. Ваша наука подарила множество безделушек, но так и не смогла в полной мере оправдать свое существование и создать что-то такое, что могло бы изменить к лучшему жизнь ВСЕЙ планеты.

На несюлько минут воцарилась тишина, которую прерывал только тихий плеск воды и плухое потрескивание, доносившееся откуда-то из леса. Человек думал о чем-то своем, я же наблюдал за перешептывающимися деревьями и зарослями камыша, в которых то и дело возникали небольшие, темные силуэты странных, неестественных созданий, возившихся в прибрежном иле. Близилась полночь и мир снова оживал, все больше и больше приоткрывая завесу над своими тайнами...

— Так по-твоему, выходит, что планета наша живая? — нарушил молчание человек. — И она карает нас за наши проступки?

— Нет. Сама планета мертва. Но вот все органические существа, обитающие

на ней, неотрывно связаны между собой. И неудивительно, что вред, причиненный, скажем китам, со временем вернется к людям в виде цунами или бурь. Такова Природа вашего мира. Природа, которую человек все время пытается поставить на колени. Нескоро, отчасти это ему удастся. Но он забывает о том, что победив природу планеты, человек бросит вызов природе Космоса. А в битве с Космосом, поражение человека будет страшным и мгновенным.

— Знаешь, Селжер, ты столько всего рассказываешь о нашем мире, мире людей... А смог бы ты, или подобные тебе, жить в нем? Общаться с нами наравне? Ведь ты отчасти наше творение, и тебе не чужды люди.

Я ожидал этого вопроса.

— Я и подобные мне не смогу жить в вашем мире. Люди не примут ни нас, ни тех, кто будет сочувствовать нам. Мы ВЫМЫШЛЕННЫЕ существа и не можем жить в РЕАЛЬНОМ мире. Ну ты представь меня, едущего на вашем автомобиле или читающего ваш журнал... Это будет выглядеть неестественно и плуто. Я и те, кто подобен мне, могут существовать только в мире фантазий и грёз, ибо там, в окружении легенд и мифов сморимся куда более натурально. Там люди готовы принять нас и мы сможем жить вместе, общаясь друг с другом через сны и игру воображения. Мы не ваши отражения, а существуем сами по себе, в своем собственном мире. Впрочем, это опять же ошибка людей. Вы так любите примерять свои правила и догматы на всех существах во Вселенной. Не скажу, что это плохо. Но и далеко не всегда хорошо...

— Послушай, — человек наконец задал, давно, видимо, мучивший его вопрос, — а как же Бог? Ведь раз мы верим в него, мы невольно одушевляем Природу. Почему же он позволяет разрушать самого себя?

— Бог? А кто сказал, что он существует? Впрочем... скорее всего существует.

— Значит, ты признаешь возможность существования чего-то божественного?

— Конечно. Но... я бы не назвал ваших нынешних богов, богами. Они, скорее, вампиры, высасывающие из людей всю силу веры. Они созданы людьми, зависят от людей и если не станет вас, то и они растворятся в волнах вечности

без следа. Эти боги не созданы силами природы, ибо не являются их персонификацией. Стихии представляются как следствие действий бога, а не первопричина возникновения самого божества. Поэтому-то, все ваши божества сродни бабочкам-однодневкам. Они позволяют разрушать Природу, потому что сами порождены не ей, а вами.

— То есть ты хочешь сказать... - человек на мгновение задумался, - что если исчезнет человечество, исчезнешь и ты? Ведь ты сам сказал, что создан нами.

— Я не исчезну. Потому, что я олицетворяю тайну. Тайны сновидений, грез, мечты... а давным-давно олицетворял еще и Ночь. Человечество не вечно, а вот сны вечны. Я останусь, хотя и сильно изменюсь. Вечны и ваши Старые Боги. Те, кто олицетворял Солнце, Ветер, Смерть... да мало ли еще чего... Их много, у них масса имен и обликов. Человек может исчезнуть, но явления Природы не исчезнут. Они все равно останутся, пусть даже на других планетах. Поэтому-то Старые Боги и вечны.

Человек ничего не ответил. Он вновь замолчал, но, похоже, не обдумывая услышанное, а словно отмечая про себя то, что уже давно было ему известно и теперь лишний раз подтвердилось. Луна тем временем поднялась совсем высоко и застыла прямо над нами. Ее свет залил берег, и теперь стало ясно, что весь он кишмя кишит различными мелкими созданиями, самых причудливых форм. Это были странные существа, состоящие из сросшихся вместе сухих дубовых листьев, бесформенные комочки мха с паучьими лапками, пузатые старички в одежде из еловой и березовой коры, да можно ли было всех описать... При свете луны, лесная нежить разгулялась, шурша камышами, вода жороводы в валежнике и среди сухой прошлогодней листвы.

— Кто это? — с легким удивлением спросил человек.

— Это? Я не знаю, кто это, — ответил я. — Они — творения твоего мира, их создали ваши сказки и предания. Но вы отказались от них, бросили их, и теперь они живут здесь. Не бойся. Они не злятся на человека за это. Жить в мире снов все же лучше, нежели быть полностью забытым. Забвение — худшее из того, что может случиться и с человеком, и с Богом и с разной земной тварью.

Впрочем, не стоит здесь думать о нем...

— Ты назвал Забвение худшим? Но, например, во всех наших религиях, говорили, что самое страшное, это вечные муки души.

— Душа, попавшая в Забвение, лишена мучений, — согласился я. — Она лишена всего. Ведь Забвение это абсолютное Ничто, поглощающее все, что есть в смертном мире. Ведь куда о чем-то забывают, этот предмет исчезает. Таким образом, Забвение, рано или поздно пролотит все, что сейчас существует. Это не кара за какие-то прегрешения. Это просто логичный финал, к которому приходит все живое. Но самое страшное то, что Забвение не уничтожает тело или душу, ибо в этом Ничто, тем не менее есть Нечто. Оно деформирует их в нечто совершенно ИНОЕ. Если в Забвение попадает душа человека — она распадается, теряет прежние очертания и свойства. Если Забвению предается Бог, вроде того Бога, что создали люди — то деформируется и он. В Забвении нет постоянства форм, а любые деформации происходят неизменно в худшую сторону.

— И что потом?

— Не стоит продолжать разговор на эту тему, — отмахнулся я. — Сюда, в Йякан — Альтернативную Вселенную, закрыта дорога Им. Но не нужно сюда призывать Их специально.

Я почувствовал, как испуганно притихли деревья, а в траве остановилась буйная и веселая пляска лесной нечисти. Холодная, черная, распутившаяся дрожавшая щупальца тень пронеслась над озером, намигав закрыв звезды, но потом, словно встретив некую преграду, остановилась и унеслась обратно — вкромешный мрак неведомых космических сфер, которых не достигают сны и кошмары Смертных, где светят совсем ИНЫЕ звезды и обитают совсем ИНЫЕ существа... К счастью, это продолжалось всего мгновение. Затем на опушке леса снова загудели косячные рожки, на которых играли крошечные создания, надевшие себе на головы шляпки от грибов и украсившие седые бороды еловыми юлочками. Все сборище опять зашуршало, запищало, зашумело и понеслись жороводы нечисти от темных лощин, до озерного берега.

— Их однажды уже чуть не сожрало Забвение, — сказал я тихо. — Люди

убили их рациональной действительностью, проехали по ним катком своей «цивилизации», но не в физическом смысле. Физически, люди уничтожают сейчас зверей и птиц. Этих существ люди убили духовно.

— Но... все это время мы просто хотели построить такой мир, в котором человеку жилось бы комфортно. — мой собеседник словно пытался оправдаться.

— И вы, несомненно, постройте его, — кивнул я в ответ — Это будет мир закрытых под стальными куполами озер, серый и холодный мир гранитных домов, безжизненный хаос огромных городов, скрытых дымом и грязным туманом. Мир, в котором не будет животных и птиц, в котором не будет лесов и лугов... И только когда этот мир будет построен, человек остановится и задаст себе вопрос: «а этого ли я хотел добиться и стоит ли это хоть малой толики того, что было уничтожено?» Впрочем, будет уже поздно.

— Ты словно обвиняешь нас в чем-то... Так и хочешь приговорить человечество к самому худшему.

— Я не обвиняю. И, тем более, не могу ни к чему приговорить. Люди, так уж получилось, приговорили себя сами. Пойми, что горы, моря, птицы и звери прекрасно обойдутся без людей. Люди без них — нет. Хотя они постоянно и стараются убедить себя в обратном. Как только человек уничтожит жизнь на своей планете, он уничтожит и себя. Возможно, не телесно. Но духовно. А это первый шаг к тому, что зовется Забвением.

Человек еще раз окинул взглядом берег озера, кишаший лесной нечистью, к которой теперь прибавилась и водяная.

— А может быть, ты сам морок? Может быть, все твои слова не более, чем сон и ложь? — спросил он.

— Может быть, — еле заметно улыбнулся я. — Спроси об этом свою душу. Свое сердце. Спроси у них, хотят ли они, что бы я был мороком. Желают ли они того, что бы я, вслед за этими безобидными созданиями, навек покинул Землю и ушел в мир грёз? Хотят ли они смерти еще одного мифа? Спроси, а узнав ответ решай — лгу я или нет. Да, я могу лгать. А ты не сможешь решить, так это или нет. Ведь для того, что бы определить, прав ли говорящий, необходимо знать подтверждение или опровержение его словам. Я сейчас могу сказать, что это

ужасней, чем известие о смерти своего Создателя? Но теперь они видят, что люди еще помнят их, и это несказанная радость.

— Так это их наши прадеды считали водяными, лешими, моховыми и полевыми?

— Все может быть. Я повторяю, что они мне незнакомы. Просто куда-то, этим крошкам стало некуда идти, и я, из жалости, а может из опасения, что их может поглотить Небытие, открыл им Врата Йякана. Точно так же, как этой ночью я открыл их для посланца рода людского.

— Так значит, людям закрыта дорога в твой мир?

все сон, но кто знает, скажу ли я правду, поскольку ты не можешь доказать обратного. Но, вот в чем вопрос — нужно ли мне лгать? Зачем и какой смысл мне обманывать тебя, особенно тут — у этого озера, на плазах сотен, а может быть и тысяч лесных и озерных духов?

— А что у них за праздник? — человек кивком головы указал на сонмы крохотных существ, водивших свои бесконечные хороводы в лунном свете.

— Не знаю. Может быть, они радуются тому, что впервые за много лет это место посетил человек. Такой как ты. Люди сотворили их в легендах и сказках, но потом легенды стали не в чести. Эти существа для вас умерли, а вы умерли для них. А что может быть

— Она закрыта для всех.

— Но ведь мы сейчас в твоём мире. И эти существа, тоже живут в твоём мире.

— Нет. Это не Йякан. Это его преддверие, где обитают те, кто осознанно остался здесь после смерти физического тела, а не пошел по пути дальнейших реинкарнаций. Или же те, для кого не осталось места в Мироздании. Преддверие Йякана — это тысячи миров, повторяющие привычные разуму обитающих тут созданий места реальной Вселенной. Этот мир не целиком создан мной. Он не более чем квинтэссенция воспоминаний и фантазий. Истинный Йякан совсем иной.

— А какой же тогда твой мир?

— Не думаю, что здесь стоит заводить об этом речь. Ни один Смертный, пока он еще живет у себя в мире, не сможет заглянуть за Грань. Поскольку, заглянув туда однажды, он уже не захочет вернуться назад. Йякан — это сон снов. Он воплощает в себе все то, к чему только может стремиться тело из плоти и крови и все то, к чему только может стремиться бессмертная душа. Живым нет туда пути. А тем, кто вошел в Йякан, уже нет пути назад.

— То есть это то, что у нас в мире называют Раем, — констатировал человек.
— Только для того, что бы попасть в Рай надо жить праведной жизнью, а для того...

— ...что бы попасть в Преддверие Йякана надо всего лишь отказаться от всей череды следующих реинкарнаций. — закончил я. — Не такая уж и большая цена за то, что бы обезопасить себя от Забвения и, точно так же, во плоти, существовать тут. В мире, созданном собственной фантазией и мечтой. В мире, где нет возможности управлять желаниями, а желания делают доступными любые возможности.

Луна постепенно клонилась к горизонту, летняя ночь, наступившая почти мгновенно, также быстро отдавала свои права прохладному утру. В траве утихли хороводы лесных жителей — вереницы странных созданий потянулись к густому ельнику. Некоторые из них проходили мимо нас, учтиво кланяясь и снимая перед человеком колпачки из сухих листьев. Они еще помнили людей и верили, что

когда-нибудь их бывшие Создатели откроют им обратную дорогу в родной мир, из которого, в свое время, им пришлось бежать.

— У меня к тебе столько вопросов... — признался вдруг человек.
— О Старых Богах, о Космосе, иных мирах... Ведь ты знаешь все. Ты родился вместе с этой Вселенной и будешь с ней до последнего ее дня. Может быть мы еще встретимся у этого озера и поговорим об этом?

— Может быть, — я неопределенно пожал плечами. — Это зависит не от меня, а от тебя. Врата должны быть открыты в обе стороны. Мои открыты всегда. Но вот люди так редко открывают свои. Признаться честно, я устал быть один. Мне не хватает того, с кем я могу просто поговорить. Так что если вдруг ты захочешь увидеть меня, просто вспомни это озеро и этот лес...

Человек кивнул и растаял в лучах восходящего солнца. В его мире тоже наступал день — суматошный и торопливый...

...Я часто приходил на это место и сидел у воды, глядя на отражение звезд на темной глади озера. Вокруг меня водили свои хороводы странные маленькие существа, имени коих я не знал. Они копошились в траве и пробегая мимо меня учтиво кланялись, снимая свои колпачки.

Втайне я надеялся, что человек не забыл об этом месте и что серые дни не убили в нем ту толику странной, космической тайны, которая живет в душе каждого живого существа и благодаря которой живое существо и называется «живым». Но человека я больше не видел. Никогда...

(C) SelkerAri - 2007 г.

Иллюстрация на стр. 69 - "Tree" (c) Анна ака утха

Skip

alldogsheaven@narod.ru

* * *

Не безнадёжно, но безмолвна
Чиста, как вешняя роса
Скатилась по щеке слеза...
Лишь прижимаясь нежно, скромно
Израненой своей душой
Такой пушистой и большой
Но хитрой, рыжей безусловно...
Она одна и не одна
Как в небе жёлтая луна,
Что прячется за облаками
Потрётся о тебя боками
Уйдёт оставит и отпустит
Вдруг развернётся и укусит
Она придёт к тебе во снах
С сияньем звёзд в твоих глазах
С улыбкой нежной и играя
Попутно тени оставляя
Вдруг спрячется...
И это только сон
Но больше жизни длился он.

* * *

И пламя блеск в твоих глазах
И льда оттенок синеватый,
Такой пушистый и лохматый -
Он не внушает жуткий страх;
Играет нежно тигр, резвится,
На солнце шкура золотится,
Как счастья трепетная птица -
Свободно в небе так искрится,
Улыбкой нежною в устах..

Я назову тебя хорошим,
Я всем скажу: "Тебя не брошу",
И шкурку нежную взьерошу,
И очень крепко обниму

* * *

"Дурак! Дурак!!".. И бьюсь об стенку,
Уже изодраны колени,
Стена в крови,
Часы спешат -
Тут очень важен каждый шаг..
Быть может яд или удавка?
О нет, ещё одна поравка,
Одна коротенькая справка -
Сказать, кто в этом виноват..
Спасибо боги, что со мною
Вы были сердцем и душою,
Но мне дорогою иною

Идти, и не страшась пути,
 Нести надежду,
 Свет нести..
 Туда, где нет любви и ласки,
 И там давно забыты сказки,
 И всё паршивые отмазки
 Их не дотянет до шести..
 Спасибо вам за понимание -
 За вашу веру и внимание,
 Но вот приходит расставанье
 И нужно речь произнести -
 Пусть, сквозь иозданные стены,

Сквозь всю жестокость той
 системы,
 Прорвутся жизни этой темы -
 Звезда судьбы, всегда свети!!!
 Невзгоды, встречи и желанья
 Не принимают во внимание
 Души истерзанной страданья,
 И что-то говорят в ответ
 Судьба, ты вовсе не злодейка -
 Передаю тебе привет,
 Ты свежей крови мне налей-ка
 И дай душе зелёный свет.

SnowSimba

SnowSimba@mail.ru

*Одиноким левидёт по городу
 Пытаясь противостоять ветру и холоду
 А заодно и голоду..
 Пытаясь разобрать, что он здесь забыл
 Вспоминая места, где он когда-то был
 Размышляя зачем занесла его судьба
 В это царство холода и зла
 Но ведь это неспроста
 Видно в чём-то была его вина...*

* * *

Не печалься
 Что с тобой?
 Ты думаешь сей мир не твой?
 Раскрой глаза и оглянись!
 Пойдём со мной взмахнув крылом
 Взлетим под облака!
 Давай посмотрим на мир сей с выскока?
 Что ты видишь в нём скажи?
 Большое чёрное пятно из зависти и лжи?
 Но оглянись! смотри вот здесь на право
 Видишь это белое пятно?
 Там те кто тебя любит
 Это там, где тебя ждут!
 А вот- смотри левее видишь?
 Вон ещё одно, и чуть пониже тоже
 Не стоит обижаться на весь мир
 А те, кто тебя обидел - да забудь о них
 Да я ни спорю-жизнь сплошное испытанье
 Кругом здесь плачь, страданье и непониманье,
 Но посмотри - ведь не весь мир таков!
 Забудь о тех, что причиняет боль
 И вспомни о родных, любимых и друзьях
 И помни - я с тобой..

StormWind

stormcanine@yandex.ru

* * *

Наполняя ветер крыльями нашими,
Отражая солнце и свет земной -
Узорами вечности перекрашена,
Ходит она за мной

По мириадам сказочным,
За перекрестком звезд -
Тысячью судеб сказанных
Нитями долгих слез..

* * *

Берег ледяной реки укроет прошлогодний снег..
выбор зажал в руке - это да или нет..
ты убегаешь в ночь - призрачно и темно..
верю, тебе сейчас - счастье познать дано..

сердца разлад в груди, скованный солью взгляд,
не прекращай..

иди..

тщетны пути назад.

* * *

В попытках вечных для созидания
отчаянной радости через тьму,

надежду на чье-нибудь понимание
горам и ветрам перенесу..

узоры жизни в ночи сплетаются,
какраньше, в прежние времена;

огонь и радость нам открываются,
и можно сутки терпеть без сна..

под капли ливня и зной безоблачный,
запомни день, проходящий здесь;

найди, добытый шепотом сумрачным,
словарь любви, если где-то есть...

(в подарок другу)

* * *

Открывая неподвижные просторы,
тающей зовущей вдаль воды,
полусонной линией заборы,
преграждающие наши дни,
я забыть хочу ненастье бури -
громы-молнии штормов секущих высь,
независимым извечным разговором
унесется лист, вращая жизнь..
и не встретить тайну перекрестка,
и узнать дано нам лишь одно -
колебание мечты и ночью блески,
отражений нам, дающие тепло.

Лайка

Не перепрячем стены
за восходящий глас..
падают словно птицы,
- верны пути для нас;
вереском и печалью,
стоном глухим в груди -
свет озаряет тайной
утреннее - "прости" ..

лайкой бегущей в бурю,
снегом лихим в лицо -
линией полусонной
я по тропе бегу..

мне порой давит сбруя,
хлыст иногда свистит -

сорванные оковы -
ветер меня простит;

силу искать в сомненье,
утренний свет встречать,
и, запасаясь терпением,
рядом с тобой молчать;

меряю путь по свисту,
тактом удар сердец -
ровня голодной стаи -
след из конца в конец;

круг и еще преграда,
вверх потяни еще..
пища - моя награда,
верность - мое чутье

Tanassi

tanassi@rambler.ru

* * *

Зачем живем мы в этом мире?
зачем приходим мы в него?
еще и в облике немилым.
на двух ногах и без хвостов.
мы заперты в бетонных джунглях,
пропавших гнилью городов.
в телах что нам порой противны.
в таких нелепых и смешных.
мы без одежды беззащитны,
в жару и холод в снег и дождь.
а мне противны эти тряпки
я лев в душе, но телом нет.
за что карает нас создатель?
за что такими создает.
а может то судьба злодейка?
пытается наш дух сломить?
но не сдадимся никогда мы,
пока последний не падет.
в неравной битве за свободу.
за дух свободы, за свое

Terian

tl.homana@gmail.com

* * *

Взгляд падает на отблеск,
Твоих раскаленных глаз,
И этой ночью сегодня,
Все будет только для нас.

Сегодня в ночь до рассвета,
Мы будем ласку дарить,
Тебе ведь знакомо это,
Не сможешь верно забыть!

Как нас озарили звезды,
Как небо внимало стон,
Как лапы скользили оземь,
Как были волки вдвоем.

Сегодня в ночь до рассвета,
В лесу раздавался вой,
Тебе ведь знакомо это,
Любимый, милый, родной!

* * *

Ты одна такая на свете,
Одинокий блеск твоих глаз,
Я смотрю, как ластится ветер,
В тишине обрывающий глас.
Я, как ты, в тишине наблюдаю,
За мелькающем ликом вдали,
И как ты в глубине, я не знаю,
Толи съест он тебя, толи ты.
Но судьба написала иначе,
Не рискуя, не выживем мы,
И бросаясь в объятья удачи,
Оставляем на жертве клыки.

Воспоминания в ночи

Опять скучаю в тишине,
В унылом отраженьи страсти,
И не понять сейчас тебе,
Как нужно мне твое участие.
Как запивая соком лед,
Подброшенный в бокал с мартини,
Я вспоминаю те слова,
Которые мы говорили.
Я вспоминаю ночи сна,
В полуденных лучах рассвета,
И ночи те, когда вода,
Текла в подушку незаметно.

Тот день, когда узнал тебя,
Когда не верил в свое счастье,
Когда в бессонной полумгле,
Мечтал о новой ночи страсти.
Когда не спал, а ждал тебя,
Чтобы согреть в своих объятьях,
Как замерзал, в тиши храня,
Огонь любви своей и страсти.
Пройдет печаль, придет рассвет,
И в утренних лучах светила,
Я снова вспомню о тебе,
Люблю, и это наша сила!

* * *

Как одиноко в тишине,
Мерцанья ночи бояливой,
И хочется бежать во тьме,
Туда где кров, еда и милый.

Бежать туда, где ждут друзья,
Где радость, дым костра, веселье,
Где грусть, любовь и наслаждение,
Где был бы жданный ты всегда.

А тут - туман в ночном лесу,
Сырая почва, да коряги,
И только вой напомнит вдруг,
Что хоть один, но все же рядом!

Tigra_only

tigronly@yandex.ru

*Решил так написать свой обычный
выходной день. Изобразить решил в
теле зверя – льва в полоску..*

* * *

Снова проснуться; снова... опять...
По мозгам будильник будет стрелять.
Окутаюсь одеялом, согреюсь смело
И забуду я своё собственное тело.

Но проснуться придется...
И позитив снова пробьется.
И будет неприятно, пойми...
Лучше лучи новорожденные лови.

Лапами тапочки начнешь ты искать.
Первый найдешь, а второй...о! Опять.
Ну и по фиг! Потом уж найду,
А пока клыки почистить пойду.

«Свежее дыхание облегчает понимание»-
Пробилось в голове рекламы воспоминание.
Кофе заварю, растворимый скорее,
А другой не люблю – иначе буду злее.

Присяду на стул и задумаюсь вдруг:
А чашка представляет правильный круг!

Интересные мысли приходят на ум...
И за окном раздаются разные «бум».

Погода прекрасна, ни тучки на небе
Как ни зеленого пятна на теплом хлебе.
Скорее, скорее! Надо собраться,
Чтобы за энергией Ци угнаться.

Ох! Как чудесна планета!
Ведь здесь так много света.
«Эй, тигренок! Давай поиграем!»
Услышал я нежданно ухом краем.

Прошел час, два, а может и три.
Но удовольствие получил – хоть ты помри!
Ну а время так быстро летит...
Да, она свои законы читит.

В пустоту вникая, пройду по тропинке
И холодок пройдет по моей спинке.
Нет, пора уж домой.
Просто час уже, как вроде, восьмой.

Лапы на автоматизм уже перешли,
Но какая-то грусть, как ни пали,
Следит за мной на данный момент.
А в фильме «жизнь» был эдак фрагмент?

Щелчок... И лифт уже здесь.
Свет и лесь – термоядерная смесь.

Черт! О чем это я?
Таких мыслей и жди от зверья...

Теперь я дома, но пусто здесь...
Не веришь? Так правду мою взвесь.
Хвост волочится, шерсть неопрятна...
Полоски, полоски, но не пятна.

Музыку включу, на диван прилягу,
И веки мои почувствовали тягу.
Снова полоски передо мной
И уснул, как... живой.

Полоски

Черные, белые... Это полоски.
Мы не видим их – они плоски.
Они, как музыка в нашем сознании,
Получив посмертно эдак название.

Десять, двенадцать... Полоски на лапе.
Не хотел жить просто на этом этапе,
А душа, ведь, помнит каждый момент
И свой выдвигает позитив-аргумент.

Было, не стало... Случай бывает.
Словно гвоздь мрака в сердце вбивает.
Но я останусь и буду жить,
И свою дорогу могу сам проложить.

Тишина, шум... Город проснулся
И о полоски мордой он ткнулся.
Посмотри же только на них
Эта жизнь не только для нас одних.

Зеленый, красный... Не различить мне цвета.
И моя душа не так уж чиста.
Только ловлю осколки слез,
Который мир на лапах мне нес.

Черный, белый... Вот мы вернулись.
И линии вашего сердца коснулись.
И не забыть теперь вам никогда
Этот стих, который был написан тогда.

* * *

Где моя любовь?
Знает ли кто её?
Я так пролил немалую кровь,
Подскажите же адрес её.

Может она за дверью
Или за той же стеной?
Чувствую, что душа её тут, за спиной...
Нет, я в это верю.

Ну, где же моя львица?
Я плачу по ней...
Но словно об спицу спица,
Никто не скажет это ей.

МАК СЕДМЕТ

Закат

Люблю смотреть закат по вечерам,
Их яркие цвета привлекают меня,
Последние лучи бьют мне по глазам,
И по щеке прошла сладкая слеза.

Цвета у него необычны, поверь мне друг.
Оранжевый, розовый, а может сиреневый...
И только в момент подумаешь ты вдруг:
«Это не может любить только ленивый.»

Для меня это явление не ново,
Но не могу отвести от него я свой взор,
И словно разноцветный узор,
Он к вечеру появится снова.

Связаться с авторами можно по приведённым ниже адресам:

AlexFox	<daddy cool5@yandex.ru>
Анна aka umxa	<hodu@yandex.ru>
Аррисар	<arris ar@gmail.com>
Gold-Black Riddle	<nastm@newmail.ru>
HMage	<hmage@h mage.ru>
Hunter	<mader a@bk.ru>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
Kent (Tak a-Timon)	<kent869@yandex.ru>
Koul	<2078j@mail.ru>
Kovu	<kovu_furry@mail.ru>
KCB-Снеж	<sn owy wolfy@gmail.com>
Bria	<bria@pisem.net>
Lion aka Foxel	<lion-comp@mail.ru>
LunarFox	<lunarfox@yandex.ru>
Max Cooncat	<ad min@furnation.ru>
MR (Max Haibane)	<max_rec ords @ho tbox.ru>
Мядиб	<myad-myad@mail.ru>
Namiri	<namiri@mail.ru>
Orphen-sirius	<ald88@mail.ru>
Quoll	<geohound@tut.by>
Ranmaru	<ranmaru@mail.ru>
Россомаха	<roc.leb@mail.ru>
Selker	<s elker@yandex.ru>
Skip	<alldogsheaven@narod.ru>
SnowSimba	<s nows imba@mail.ru>
StormWind	<stormcane@yandex.ru>
Terian	<tl.homana@gmail.com>
Tanassi	<tanassi@rambler.ru>
Tigra_only	<tigronly@yandex.ru>

Редакция АРФИ

<stormcane@yandex.ru>

Обложка:

Orphen-sirius

Внутренняя обложка:

Koul

Иллюстрации оглавления:

Orphen-sirius

Иллюстрация стр. 91:

Max Haibane

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор:

StormWind

Музыкальный диск:

HMage

Верстка, дизайн:

StormWind, Namiri

Корректоры:

авторы произведений

Печать:

АРФИ

В дополнение к печатному изданию АРФИ прилагается компакт-диск с музыкальными произведениями Furry-авторов, а также не вошедшими в журнал электронными версиями текстов.

Если Вы заинтересованы в участии или содействии проекту, просим Вас связаться с Редакцией журнала АРФИ. Ждём Ваших писем.

АРФИ 2007

Сайты, входящие в содружество

АРФИ

<http://arfi.furnation.ru>

[<stormcanine@yandex.ru>](mailto:stormcanine@yandex.ru)

MRFF

<http://mrff.yiff.ru>

[<lozi@inbox.ru>](mailto:lozi@inbox.ru)

FURNATION.RU

<http://www.furnation.ru>

Audio-CD by HMage [<hmag@hmag.ru>](mailto:hmag@hmag.ru)

Редакция АРФИ [<stormcanine@yandex.ru>](mailto:stormcanine@yandex.ru)

Создатели журнала выражают признательность авторам и всей пушистой общественности за участие и посильную помощь.

До скорых встреч и спасибо за внимание!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров и направлений! Присылайте свои работы.

Russian Furry Publishers 2007-2008

АРФИ 2007

92 стр.

PDF-версия